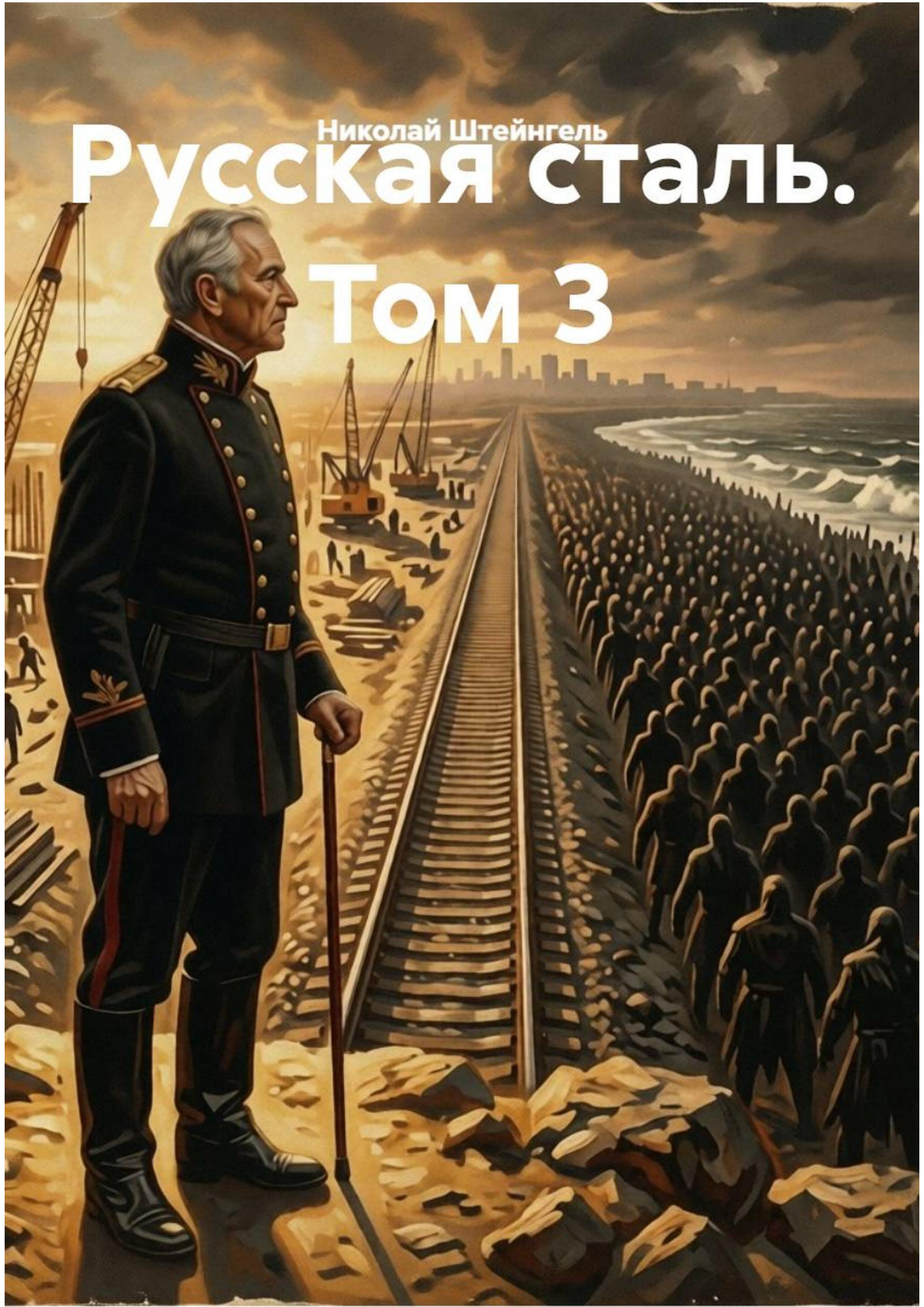

Николай Штейнгель

Русская сталь.

Том 3

Николай Штейнгель
Русская сталь. Том 3

«Автор»

2026

Штейнгель Н. А.

Русская сталь. Том 3 / Н. А. Штейнгель — «Автор», 2026

.....

© Штейнгель Н. А., 2026

© Автор, 2026

Николай Штейнгель

Русская сталь. Том 3

Петроград, Зимний дворец, кабинет императора. Январь 2062 года. За окнами кружил снег, крупный, пушистый — тот самый, который в России называют «настоящим», в отличие от европейской мерзкой измороси, — и падал на Неву, которая уже встала, и на крыши, и на шпили Петропавловского собора, и на купол Исаакия, который после долгих споров реставраторы наконец-то вызолотили заново, и теперь он сиял над городом, как ещё одна луна, только жёлтая и не такая далёкая.

Филатов сидел в кресле у окна, привалившись боком к подоконнику, и смотрел на этот снег, и думал о своём. Он постарел за прошедший год — не так чтобы сильно, не так, чтобы сдаваться, но морщины стали глубже, под глазами залегли тени, которые не проходили даже после хорошего сна, и левая рука, та самая, на которую он всегда наматывал ремень, иногда немела по утрам, и пальцы не слушались, и приходилось растирать их, пока они не начинали гореть.

Рюрик сидел за столом, заваленном бумагами — донесения, сводки, проекты указов, письма из-за границы, — и читал, то и дело отрываясь, чтобы понюхать нашатырь из маленького пузырька, который держал в ящичке. Глаза у него покраснели — он не спал третьи сутки, и даже Маша, которая была на шестом месяце беременности и уже ходила с округлившимся животом, не могла уговорить его отдохнуть.

— Федя, — сказал император, откладывая очередную бумагу и потирая переносицу, — из Вашингтона пришла новая нота. Американцы требуют пересмотра торгового соглашения. Говорят, что мы завышаем цены на газ и нефть, и что это нарушает принципы свободной торговли.

— Свободной торговли, — усмехнулся Филатов, не отрывая взгляда от окна. — Помню я эту свободную торговлю. Когда они наводнили наши рынки дешёвым ширпотребом в девяностых, а потом развалили наши заводы, это называлось "свободный рынок". А теперь, когда мы поднялись и диктуем свои условия, они вспомнили о принципах.

— Что предлагаешь?

— Предлагаю не обращать внимания. У них нет рычагов давления. Армия у них развалена после войн на Ближнем Востоке, союзники в Европе от них отвернулись, а свои производители не могут конкурировать с нашими ни в машиностроении, ни в военных технологиях. Пусть пишут ноты. Мы их будем складывать в папку с надписью "Исторический мусор".

Рюрик усмехнулся — устало, но со знакомой теплотой.

— Ты всегда так категоричен.

— А ты всегда слишком мягок, — ответил Филатов. — Но это нормально. Ты — император, а я — старый солдат. Нам и положено различаться.

Он встал, подошёл к карте Европы и Азии, висевшей на стене, и провёл пальцем по тихоокеанскому побережью.

— Япония тоже ерепенится. Говорят, хотят пересмотреть договор о дружбе. Мол, мы недостаточно помогаем им с ресурсами, а они хотят большего.

— У них есть повод?

— Нет. Просто Америка сулит им золотые горы, если они выйдут из нашего союза и перейдут на их сторону. Но это блеф. У Америки нет денег, чтобы платить Японии. У неё самой долги выше крыши, и никто не собирается их отдавать.

— А что, если Япония всё же решится?

— Тогда мы покажем им наши новые подлодки, — спокойно сказал Филатов. — Те самые, которые строят на Дальнем Востоке. "Князь Владимир". Бесшумные, с гиперзвуковыми ракетами, способные нести ядерное оружие. Пару раз выпустим учебные торпеды в их территориальных водах, и они быстро передумают.

Рюрик смотрел на него, и в глазах его читалось нечто среднее между уважением и лёгкой тревогой.

— Ты предлагаешь играть мускулами?

— Я предлагаю быть готовым к любому развитию событий, — ответил Филатов. — Будем сильными — нас будут уважать. Будем слабыми — сожрут. Это закон джунглей. И мы не можем позволить себе забыть о нём.

Он отошёл от карты, вернулся в кресло, снова посмотрел в окно. Снег всё падал, и город за окном казался спокойным, почти игрушечным — игрушечные домики, игрушечные мосты, игрушечные люди — и так трудно было поверить, что всего несколько лет назад здесь гремели взрывы, пули свистели, и люди умирали на этих самых набережных, защищая этот самый снег и эти самые купола.

— Ты знаешь, — сказал Филатов, — я иногда думаю: а стоило ли? Столько смертей, столько разрушений, а в итоге — те же самые интриги, те же самые политические игры, те же самые лицемерные улыбки дипломатов. Мы выиграли войну, но выиграли ли мы мир?

Рюрик не ответил. Он тоже смотрел в окно, и на лице его читалась та же усталость, только молодая, не успевшая ещё превратиться в мудрость.

— Ты устал, Федя, — сказал он наконец.

— Устал, — согласился Филатов. — Но не настолько, чтобы сдаться.

Он поднялся, потянулся — спина хрустнула, и он поморщился, но быстро взял себя в руки.

— Давай, Князь, показывай свои бумаги. Что там у американцев ещё? Ультиматумы, требования, просьбы о встрече?

— В основном просьбы, — ответил Рюрик, протягивая ему папку. — Они хотят встретиться на нейтральной территории. Обсудить новый мировой порядок.

— Новый мировой порядок, — повторил Филатов, беря папку и открывая её. — Старая песня. Когда они были на коне, они диктовали нам свои условия. А теперь, когда мы на коне, они хотят "обсудать". Нет, Князь. Мы не будем обсуждать. Мы будем ставить условия.

Он пробежал глазами бумаги, потом положил их на стол.

— Пусть приезжают в Хельсинки. В марте. Там и поговорим. Но не раньше. Им надо дать время осознать, что их время прошло. Пусть понервничают.

— А если они откажутся?

— Не откажутся, — уверенно сказал Филатов. — У них нет выбора. Или они договариваются с нами сейчас, на наших условиях, или мы договариваемся с их конкурентами. Китай, Индия, Бразилия — все хотят занять место Америки. Мы можем выбрать, с кем работать.

Рюрик кивнул, записал что-то в блокнот.

— Тогда так и сделаем. Назначим встречу на март. А пока — будем готовиться.

— Готовиться будем, — сказал Филатов. — Но ты, Князь, иди отдыхай. Маша ждёт. И ребёнок твой тоже. Ему нужен здоровый отец.

— А ты? — спросил Рюрик.

— А я посижу ещё. Посмотрю на снег. Подумаю о вечном.

Рюрик хотел сказать что-то ещё, но передумал. Он встал, подошёл к Филатову, положил руку ему на плечо — молодой, сильный, горячий — и сказал:

— Ты, Федя, тоже береги себя. Мы без тебя не справимся.

— Справитесь, — ответил Филатов. — Я вас хорошо научил.

Рюрик ушёл, а Филатов остался один. Он сидел в кресле, смотрел на снег, и думал о том, что его жизнь, в сущности, была прожита не зря. Может быть, даже с избытком.

— Господи, — прошептал он, — если Ты есть, дай мне сил дожить до того дня, когда этот мир, наконец, успокоится. Или хотя бы до рождения внука. Хотя бы до этого.

Он перекрестился — неловко, по-староверски, тремя перстами, хотя сам не знал, откуда взялась эта привычка, — и закрыл глаза.

Снег всё падал, и город спал, и где-то там, за океаном, американские политики грызли ногти, прикидывая, как бы им выпутаться из той ситуации, в которую они сами себя загнали.

А в России наступал новый год — год великих перемен, год побед, год, который должен был показать всему миру, кто теперь настоящий хозяин. Февраль 2062 года выдался снежным и ветреным, даже для Петрограда непривычно — снег не прекращался вторую неделю, и заносы были такими, что трамваи встали, связь между районами поддерживали грузовики-амфибии, когда-то списанные со службы, а теперь переданные городскому хозяйству, и люди, ругаясь, откапывали машины и входы в подъезды, но на удивление мало жаловались — война научила их терпеть лишения и радоваться даже простой возможности откопать свой двор, потому что это означало, что жизнь продолжается, что нет обстрелов, нет бомбёжек, а есть только снег, который растает к весне.

Филатов, несмотря на просьбы Рюрика не выходить на улицу в такую погоду, всё же выбрался в город. Ему нужно было встретиться с Беловым — неофициально, без свидетелей, чтобы обсудить один щекотливый вопрос, который не хотелось выносить на уровень императора.

Они встретились на окраине, в маленьком кафе с покосившейся вывеской, которое чудом уцелело и после революции, и после мятежа, и после войны. Внутри было тепло — топили дровами, и в воздухе пахло хлебом, кофе и чемто ещё, почти забытым, похожим на детство.

Белов сидел за столиком у окна, одетый в штатское — впервые за долгое время, — и пил чай из гранёного стакана.

— Фёдор Александрович, — сказал он, когда Филатов сел напротив, — вы выглядите уставшим.

— А я и есть уставший, — ответил Филатов, снимая шинель и вешая её на спинку стула. — Но не жалуясь. Дела.

— Какие?

— Американские. Император готовится к переговорам в Хельсинки. Нужно, чтобы к тому моменту у нас были козыри не только дипломатические, но и силовые.

Белов отставил стакан, наклонился ближе.

— Вы говорите о японцах?

— О них, — кивнул Филатов. — Разведка донесла, что они собирают эскадру у Курил. Формально — учения. Но на учениях они могут забыть, где заканчиваются их территориальные воды и начинаются наши.

— И что вы предлагаете?

— Показать им наши новые подлодки. Не все, конечно, но пару штук. Чтобы они видели, что мы не дремлем, и чтобы у них не возникло желания испытывать наше терпение.

Белов помолчал, потом спросил:

— А император знает?

— Частично. Я не хочу его тревожить раньше времени. У него и так забот хватает — переговоры с европейцами, парламентская возня, Маша беременная. Ему нужен покой, а не новые конфликты.

— А если японцы всё же решатся на провокацию?

— Тогда мы ответим, — спокойно сказал Филатов. — И ответим так, что они запомнят надолго. У нас есть новые подлодки, и у нас есть право защищать свои территориальные воды. Никто не сможет нас обвинить в агрессии — мы будем действовать в рамках международного права.

— Вы уверены, что международное право на нашей стороне?

— Международное право, — усмехнулся Филатов, — это то, что пишут победители. А победители сейчас — мы.

Он заказал себе чай, сделал глоток, поморщился — слишком сладкий — и отставил стакан.

— А что там с американцами? Они уже согласились на встречу?

— Согласились, — ответил Белов. — Но ставят условия. Хотят, чтобы переговоры проходили без посредников, под их протокол.

— Им нечего бояться, — сказал Филатов. — У нас нет врагов в Европе, которые могли бы им помочь. Все, кто хотел воевать, уже успокоились. Остальные — поняли, что дружить с нами выгоднее, чем ссориться.

— А если американцы попытаются сыграть на противоречиях между нами и Европой?

— Не сыграют, — твёрдо сказал Филатов. — Европа сейчас в таком состоянии, что любая попытка расколоть её только сплотит. Они будут держаться вместе, потому что боятся остаться один на один с нами.

— И что мы от них хотим?

— Мы хотим, — Филатов помолчал, собираясь с мыслями, — чтобы Америка признала нашу сферу влияния в Восточной Европе и Азии. Чтобы вывела свои войска из тех стран, где они ещё остались. И чтобы прекратила финансирование оппозиционных движений на нашей территории.

— Это ультиматум, — заметил Белов.

— Это — справедливость, — поправил Филатов. — Они делали то же самое с нами, когда были сильнее. Теперь мы сильнее. И теперь мы диктуем условия.

Он допил чай, поставил стакан на стол.

— А теперь — к другому вопросу. Как идёт подготовка наших подлодок к демонстрации силы?

— Первая эскадра уже в Японском море, — доложил Белов. — Три подлодки проекта "Князь Владимир". Две — на боевом дежурстве. Одна — на подходе. Командиры проинструктированы. Если японцы сунутся не туда, они устроят им сюрприз.

— Хорошо, — кивнул Филатов. — Но пусть не торопятся. Пусть сначала американцы увидят, что мы готовы к диалогу. А потом, если потребуется — к диалогу с позиции силы.

Белов улыбнулся — впервые за этот разговор.

— Вы всегда так говорите, Фёдор Александрович. "С позиции силы".

— Потому что другая позиция — слабость, — ответил Филатов. — А слабость наказывают.

Он поднялся, надел шинель.

— Поеду. Дел много. А ты, Белов, береги себя. И подлодки береги. Они нам ещё пригодятся.

— Пригодятся? — удивился тот.

— Обязательно. Мир, который мы построили, слишком хрупок. Кто-то обязательно захочет его разрушить. Мы должны быть готовы защитить его.

Он вышел из кафе, и снег сразу же заметал его следы, и вьюга завывала так, что на мгновение ему показалось, что он снова в окопах под Вязьмой, и где-то там, за стеной белого, стоит враг, и нужно идти в атаку.

— Господи, — прошептал он. — Дай нам сил.

Февраль медленно перетекал в март, и снег, который так долго не хотел уходить, наконец-то начал таять — сперва по краям, потом большими проталинами, и в этих проталинах появлялась чёрная, мокрая земля, пахнувшая прелыми листьями и чем-то ещё, давно забытым, похожим на детство, когда весна была не просто временем года, а настоящим чудом, и ты ждал её, замирая у окна в ожидании первых капель.

Филатов сидел в своём кабинете — нет, не в том, старом, на Петроградской стороне, а в новом, который Рюрик велел оборудовать для него в Зимнем, на третьем этаже, с окнами на Неву, — и смотрел на ледоход. Лыдины плыли по чёрной воде, сталкивались, крошились, и в этом движении было что-то успокаивающее, почти гипнотическое, и он думал о том, что жизнь, как эта река, течёт, несмотря ни на что, и каждый год приносит новое, и старое уходит, и это правильно, потому что старое — это боль, а новое — надежда.

В дверь постучали — негромко, почтительно.

— Войдите, — сказал Филатов, не оборачиваясь.

Вошел Рюрик. Не в мундире, как обычно, а в простом свитере, сером, мягком, с высоким воротом, и выглядел он в нём не императором, а просто молодым человеком, уставшим, но счастливым, потому что дома ждала Маша, на шестом месяце, и живот её уже округлился, и она иногда гладила его и улыбалась, и Рюрик, глядя на неё, забывал о всех войнах, о всех проблемах, о всех врагах.

— Федя, — сказал он, садясь в кресло напротив, — я принёс стихи.

— Какие стихи? — удивился Филатов, поворачиваясь.

— Твои. Точнее, те, которые ты мне дал. Я их перечитал сегодня ночью — не спалось, и знаешь, они такие... добрые. Такие тёплые. Как весна.

Филатов усмехнулся — не горько, а как-то по-домашнему, по-отечески, — и взял листок, который протянул ему Рюрик.

— Это старые стихи, — сказал он, пробегая глазами строки. — Я их писал, когда мы только начинали восстанавливать Россию. Когда ещё не было «Теней», когда мы только верили, что сможем.

— А ты сомневался?

— Сомневался, — честно ответил Филатов. — Каждый день. Но потом смотрел на тебя — на твою веру, на твою надежду — и понимал, что не имею права сдаваться.

Он положил листок на стол.

«Весна придёт, и старый снег растает,
И потемневшие поля вдохнут.
Земля, что кровью полита, святая,
Нам новый, светлый принесёт уют.
Уют не тот, что от печи и хлеба,
А тот, что от любви и тишины.
Когда ни облачка на мирном небе, Когда не слышно голоса войны».

Рюрик слушал, закрыв глаза.

— Красиво, — сказал он. — Очень красиво.

— Война, — ответил Филатов, — учит ценить мир. Но мир... мир нужно строить. Не просто ждать, а строить. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту.

Он поднялся, подошёл к окну.

— Вот смотри, ледоход. Льдины плывут, сталкиваются, рушатся. А река — течёт. И мы — как эта река. Мы должны течь. Не стоять на месте. Не застревать. Иначе замёрзнем.

— Ты философ, Федя, — улыбнулся Рюрик.

— Я солдат, — ответил Филатов. — Просто старый солдат, который видел слишком много, чтобы оставаться циником.

Они помолчали, глядя на воду. Потом Рюрик сказал:

— Американцы прислали проект договора. Они согласны на наши условия — почти на все.

— Почти? — переспросил Филатов.

— Они просят оставить за собой право вето в Совете Безопасности ООН. И не выводят войска из Южной Кореи.

— А что мы им ответим?

— Я думаю, можно согласиться, — сказал Рюрик. — Вето — это символ. А Корея — не наша зона интересов. Пусть сидят.

— Ты мудрее меня, — заметил Филатов. — Я бы потребовал вывода.

— А я бы не стал, — ответил Рюрик. — Потому что мир важнее амбиций. Правда?

— Правда, — согласился Филатов. — Когда-то и я так думал. А потом война научила меня другому.

— И чему же?

— Что мир без силы — это иллюзия. Но сила без мира — это tyranny.

Он задумался, потом добавил:

— Но ты прав. Соглашайся. Им нужен этот маленький козырь, чтобы спасти лицо. А нам нужен мир.

Рюрик кивнул.

— Тогда завтра подпишем.

— Подпишем, — сказал Филатов. — А сегодня... сегодня я хочу поехать в ресторан.

— В ресторан? — удивился Рюрик.

— Да. В тот самый, на Невском, который открыли ветераны. Говорят, там кормят как в раю. И поют песни. И играют на гитаре.

— Я с тобой, — сказал Рюрик.

— А как же Маша?

— Маша будет рада. Она тоже хочет отдохнуть.

Они оделись, вышли на улицу. Вечер был прохладным, но уже не зимним — дыхание весны чувствовалось в каждом порыве ветра, в каждой лужице, отражавшей розовеющее небо.

Ресторан «У Мороза» — так он назывался в честь капитана Мороза, погибшего на Дворцовом мосту, — стоял на углу Невского и Малой Садовой. Вывеска была скромной, деревянной, с выжженными буквами. Внутри горел камин, пахло пирогами и жареным мясом, и кто-то тихо, под гитару, пел старую русскую песню.

Хозяин, седой полковник в отставке, узнал Филатова и Рюрика, хотел встать — «Ваше Величество!» — но император махнул рукой: «Не надо. Мы — простые гости».

Их посадили у окна, откуда открывался вид на Невский — вечерний, освещённый фонарями, с редкими прохожими, и Филатов смотрел на эту картину и думал: «Господи, как же мы всё-таки выжили. И как же хорошо сейчас здесь. Просто сидеть, смотреть на улицу, слушать песню и знать, что завтра не надо идти в бой».

Они заказали уху, блины с икрой, солёные огурцы и наливочку — клюквенную, сладкую, почти не хмельную.

— За мир, — сказал Рюрик, поднимая рюмку.

— За мир, — ответил Филатов.

И выпили.

А за соседним столиком старый солдат с одной рукой пел под гитару:

«Мы не хотим войны, мы просим мира, Но враг не спит, и мы не можем спать.
Россия — наша мать, Россия — вера,
И мы должны её оберегать...»

Филатов слушал и улыбался. Потому что в этой песне не было злобы. Была только любовь. И он понял: вот она, настоящая победа. Не когда враг повержен, а когда люди могут петь о войне как о прошлом, не боясь, что она вернётся.

— Спой, Федя, — попросил Рюрик. — Спой свои стихи.

— Не умею я петь, — отмахнулся Филатов.

— А ты прочитай. Как стихи.

Филатов помолчал, потом начал — тихо, почти шёпотом:

«Устал я, брат, от бесконечной сечи...»

И Рюрик подхватил — не голосом, а сердцем.

«От криков тех, кто рушит старый дом...»

Они сидели в ресторане, среди ветеранов, среди мирных людей, и читали стихи, и им никто не мешал. Потому что все понимали — эти стихи о них. О том, что было. И о том, что никогда не должно повториться.

Ночью, когда они вернулись в Зимний, Филатов написал в дневнике:

«Март 2062. Сегодня мы были в ресторане. Пили наливочку, ели блины, слушали песни. Рюрик улыбался. Я тоже. Впервые за долгое время. Договор с американцами почти подписан. Мир на пороге. Настоящий мир. Без войны, без крови, без ненависти.

Дай Бог, чтобы он продлился как можно дольше. Федя».

Он закрыл дневник, лёг и долго не мог уснуть — всё думал о весне, о ледоходе, о стихах. А когда заснул, ему приснился Мороз — старый, добрый, седой. Он сидел на берегу Невы, улыбался и махал рукой.

— Жив, — прошептал Филатов во сне. — Жив, брат. Мы все живы.

Март встретил Петроград первыми настоящими ручейками, которые бежали по мостовым, сбегали в решётки ливнёвок, и дети, которых в городе становилось всё больше — послевоенный бэби-бум давал о себе знать, — пускали кораблики из старых газет и радовались, потому что кораблики плыли, и это было волшебство, понятное только детям и тем взрослым, кто ещё не забыл, что такое чудо.

Филатов шёл по Невскому, смотрел на это и думал: «Вот ради чего мы воевали. Не ради земли, не ради денег, а ради того, чтобы дети могли пускать кораблики и не бояться, что в следующую секунду налетит бомба». Рядом с ним, чуть прихрамывая — старые раны давали о себе знать, но он не жаловался, — шагал Рюрик. Император был в штатском, в тёмном пальто и шляпе, которую он то и дело поправлял, потому что ветер, весенний, шаловливый, норвил сорвать её с головы.

— Федя, — сказал Рюрик, — смотри, как хорошо. Люди улыбаются.

— Улыбаются, — согласился Филатов. — Потому что сытая жизнь. И мирная. И завтрашнего дня не боятся.

Они зашли в маленькую церковь на Малой Конюшенной, ту самую, где когда-то, ещё до войны, венчались офицеры, и где Филатов иногда ставил свечи за упокой тех, кого уже нет. Внутри было полутемно, пахло ладаном и деревом, и старушка в чёрном платке мыла полы, тихо напевая что-то церковное.

— Здравствуй, бабушка, — сказал Филатов.

— Здравствуй, сынок, — ответила она, поднимая голову. Глаза её были светлыми, молодыми, несмотря на морщины. — Помолиться пришли?

— Помолиться, — кивнул Филатов. — За Россию. За Царя. За мир.

— Это хорошо, — сказала старушка. — А то приходят разные, просят здоровья да богатства, а о Родине забывают. А без Родины и здоровье не в радость, и богатство.

Филатов поставил свечи перед иконой Николая Угодника, потом перед иконой Спасителя. Рюрик — перед иконой Божией Матери. Они постояли молча, каждый о своём.

— Знаешь, — сказал Филатов, когда они вышли на паперть, — в этом и есть наша сила. Вера. Простая, народная, не показная. Которая не на словах, а на деле. Которая заставляет бабушек мыть полы в храмах, а императоров — ходить по улицам без охраны.

— Ты считаешь, что мне не нужна охрана? — усмехнулся Рюрик.

— Нужна, — ответил Филатов. — Но сегодня — не нужна. Сегодня — мирный день. И я хочу, чтобы ты запомнил его. Таким, какой он есть. Без брони, без оружия, без страха.

Они пошли дальше. Невский жил своей обычной жизнью — спешили люди, гудели машины, где-то играла музыка, и в этой суете было что-то уютное, почти домашнее.

На углу Садовой они наткнулись на книжный развал. Старые книги, журналы, газеты — всё, что уцелело после войны. Филатов начал перебирать, и вдруг на глаза ему попала тоненькая брошюра — «Сказ о том, как Царь Россию спас».

— Это что? — спросил он у продавца, старого интеллигента в потёртом пиджаке.

— О, это наш, местный автор, — ответил тот, поправляя очки. — Пишет стихи про Царя-батюшку. Про монархию. Говорят, в школах даже изучать начинают.

— И как, изучают?

— А как же! — продавец оживился. — Молодым-то надо знать, откуда страна пошла. Что без Царя — не было бы порядка. Что демократы да коммунисты — они одно и то же, только в разных упаковках. И те, и другие народ грабят. А Царь — он от Бога. Он не грабит, он служит.

Филатов купил брошюру, спрятал в карман.

— Потом читаю, — сказал он Рюрику.

— И что там? — спросил император.

— Наверное, правда, — ответил Филатов. — Которую нам столько лет скрывали.

Они свернули к Фонтанке. Там, у Юсуповского сада, собралась небольшая толпа. Кто-то читал стихи, кто-то слушал, и в воздухе витало что-то необычное, праздничное, несмотря на будний день.

— Что здесь происходит? — спросил Филатов у молодого человека с гитарой.

— А это, — ответил тот, улыбаясь, — вечер памяти поэтов Серебряного века. Помните, тех, кого коммунисты расстреляли или загнали в эмиграцию?

— Помню, — сказал Филатов. — Гумилёва, Мандельштама, Цветаеву...

— Вот, мы их вспоминаем. Они ведь за Россию умирали. За Царя. За то, чтобы Россия была свободной от безбожной власти.

Филатов постоял, послушал. Стихи были грустными, но светлыми. О любви, о вере, о родине. И ему подумалось: «Вот она, настоящая пропаганда. Не та, что кричит с экранов, а та, что идёт от сердца. От людей, которые помнят, которые любят, которые верят».

— Федя, — сказал Рюрик. — Мы идём в Зимний? Уже поздно.

— Идём, — ответил Филатов. — Только я хочу зайти ещё в одно место.

Они подошли к Благовещенскому мосту, где когда-то стоял памятник Ленину, а теперь стояла часовня, и в ней горела лампадка.

— Здесь, — сказал Филатов, — я хочу прочитать стихи. Те, что написал сам. О том, что мы победили. И о том, что мы победили не потому, что были сильнее, а потому что за нами была правда.

Рюрик кивнул.

Филатов открыл брошюру, но не ту, купленную у развала, а свою, старую, потрёпанную, которую носил с собой ещё на фронте.

— «Русь свободная воскреснет,
Нашей верою горя!
И услышат эту песню
Стены древнего Кремля...»

— начал он, и голос его звучал негромко, но уверенно, и прохожие, заслышав стихи, останавливались, слушали, кто-то крестился, кто-то плакал.

— «Пусть воскреснет вновь страна,
Что и верна, и предана!
Пусть же правит тот народ,
Кто сквозь годы мощь несёт»

— закончил Филатов, и тишина повисла над мостом, и только ветер гнал по воде мелкие волны.

— Спасибо, — сказал кто-то из толпы.

— Спаси Господь, — ответил другой.

И все разошлись.

Ночью Филатов долго не мог уснуть. Он сидел в своём кабинете, листал дневник, перечитывал старые записи и думал о том, что его жизнь, прожитая им до этого момента, не была напрасной.

«Март 2062. Сегодня я читал стихи на мосту. Люди слушали. Некоторые плакали. Это хорошо. Плачут не от горя, а от радости. От того, что мы выжили. Что Россия жива. Что Царь правит, а не предатели.

Америка подписывает договор. Они признали нашу силу. Мы выиграли не только войну, но и мир.

Теперь — только восстанавливать. И молиться, чтобы это никогда не повторилось. Федя».

Он закрыл дневник, задул свечу. За окном занимался новый день, и где-то там, за горизонтом, вставало солнце — не только над Петроградом, но и над всей Европой, над всей Россией, над всем миром, который начинал верить, что мир возможен.

Через три дня после той прогулки, когда март уже перевалил на вторую половину, и солнце грело по-настоящему по-весеннему, и даже ночи стали светлее, и звёзды уже не казались такими холодными, Филатов получил приглашение на вечер поэзии в Доме офицеров. Приглашение было от ветеранской организации — старые солдаты, те, с кем он делил окопы и блиндажи, просили его прийти и почитать свои стихи.

Он долго думал — ехать или нет? — но потом решил: «Поеду. Не ради славы, а ради тех, кто верит в меня. И ради того, чтобы показать молодым, что поэзия — это не пустое занятие, а голос души».

Вечер начался в семь, когда солнце уже садилось, и за окнами Дома офицеров, выходящими на Неву, вода золотилась в его лучах. Зал был полон — ветераны, их жёны и дети, молодые кадеты, несколько священников и даже сам император с Машей, которая уже с трудом ходила, но всё равно приехала, потому что хотела послушать.

— Фёдор Александрович, — сказал ведущий, старый полковник с орденom на груди, — вам слово.

Филатов поднялся на сцену, и зал затих. Только слышно было, как кто-то кашлянул в последнем ряду, да где-то на улице залаяла собака.

— Друзья мои, — начал он, — я не оратор. Я солдат. Но сегодня я хочу прочитать вам не военные стихи, а мирные. О том, что мы защитили. О том, ради чего жили и умирали.

Он достал из кармана маленький блокнот, раскрыл на закладке.

«Солнце встанет, и трава в зелёном,
И набухнут почки на ветвях.
Всё, что было серым и больным,
Обернётся нежностью и сном.
Мать-Россия, матушка родная,
Ты устала, но не умерла.

Веру в сердце, кроткую, святую, Ты сквозь годы, сквозь века несла. А теперь вздохни — победа близко,

Сбрось с души тяжёлые оковы.

И во храме ставь свечу о низко Поклонившихся, не сказавших слова».

Замолчал. В зале было тихо, потом аплодисменты — негромкие, сдержанные, как у людей, которые знают цену и словам, и молчанию.

— Спасибо, — сказал Филатов и сел на своё место.

Дальше выступали другие — молодые поэты, ветераны, женщины, потерявшие мужей, но не потерявшие веру. Стихи были разными — грустными и светлыми, короткими и длинными, но все они были о главном: о том, что Россия живёт, что русский народ не сломали ни войны, ни революции, ни враги, ни предатели.

— Федя, — сказал Рюрик, когда вечер закончился, — я горжусь тобой.

— Не мной гордись, — ответил Филатов. — Ими. Теми, кто пишет. Кто верит. Кто строит.

Маша подошла, обняла его.

— Фёдор Александрович, вы — наш ангел-хранитель, — сказала она.

— Я — ваш солдат, — ответил он. — И всегда им буду.

На следующий день, несмотря на воскресенье, Рюрик созвал совет по вопросам внешней политики. Америка, получив договор, подписанный обеими сторонами, сделала вид, что она не проиграла, а просто приняла «новые реалии», но Филатов знал — там, за океаном, сейчас скрежетали зубами и проклинали его имя.

В кабинете собрались министры, несколько генералов, советники. Филатов сидел в углу, слушал и иногда вставлял свои замечания.

— Господа, — сказал Рюрик, открывая заседание, — договор с Соединёнными Штатами подписан. Они выводят войска из Восточной Европы, прекращают финансирование оппозиционных движений, признают российскую сферу влияния на постсоветском пространстве.

— А как же Украина? — спросил министр иностранных дел.

— Украина остаётся независимым буферным государством, — ответил Рюрик. — Но под нашим протекторатом.

— Это не устроит их националистов.

А мы и не спрашиваем националистов, — твёрдо сказал Филатов. — Мы спрашиваем народ. А народ устал от войны и хочет мира. И работы. И хлеба.

Спорить с ним не стали.

После заседания Филатов остался в кабинете с Рюриком.

— Знаешь, Князь, — сказал он, — я вчера на вечере стихов подумал: а правильно ли мы делаем, что так давим на Америку? Может, лучше было бы предложить им союз?

— Союз? — удивился Рюрик. — С теми, кто нас чуть не уничтожил?

— Война кончилась, — ответил Филатов. — Надо думать о будущем. Если мы их прижмём слишком сильно, они могут начать искать новых союзников. А новых союзников — полмира. Китай, Индия, даже Япония может перевернуться.

— Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю не казнить их, а миловать. Оставить им лицо. Пусть думают, что они добровольно ушли, а не их выгнали.

— А это не будет слабостью?

— Нет, — сказал Филатов. — Это будет дипломатией. Правда — она разная. Иногда правда — это показать, что ты не враг, а партнёр. Даже если в душе ты знаешь: ты — главный.

Рюрик задумался.

— Ты прав, — сказал он наконец. — Сегодня же позвоню американцам. Скажу, что мы готовы к расширению сотрудничества.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Филатов. — А я — в скит. На недельку. Отдохнуть.

— Езжай, — разрешил император. — Ты заслужил.

Скит встретил Филатова утренней тишиной, прозрачным воздухом и запахом хвои. Отец Никодим — да, тот самый, старый, но не сдающийся — сидел на лавочке у входа, перебирал чётки и читал молитву.

— Вернулся? — спросил он, поднимая голову.

— Вернулся, — ответил Филатов, садясь рядом. — Надолго ли — не знаю.

— Оставайся, — сказал монах. — Мир подождёт.

— Не подождёт, — вздохнул Филатов. — Всё время крутится.

Они помолчали. Потом Филатов рассказал отцу Никодиму о договоре с американцами, о стихах, о том, как люди радуются миру.

А знаешь, — сказал монах, — у нас тут тоже поэт объявился. Парень из деревни, на фронте был, руку потерял. А теперь пишет. И хорошо пишет. Почитай.

Он протянул Филатову мятый листок.

«Я руки не жалел в бою, Оставил их под Смоленском. Но душу, Родину свою, Я нёс на сердце отцовском. Идут года, болит спина,
Но не жалею ни о чём.
Святая Русская земля, Ты стала вечным мне лучом».

Филатов прочитал и тихо сказал:

— Хорошо. Очень хорошо.

— Вот, — кивнул отец Никодим. — А ты говоришь — стихи не нужны. Стихи — это то, что душу лечит.

— Я никогда не говорил, что стихи не нужны, — возразил Филатов. — Я говорил, что я не поэт.

— Поэта не бывает без стихов, — сказал монах. — А ты — поэт. Только орудие твоё — не перо, а меч.

Филатов промолчал.

В скиту он прожил неделю. Вставал рано, молился, помогал по хозяйству, гулял по лесу. Думал.

Он много думал о будущем. О том, что нужно сделать, чтобы мир, завоёванный такой кровью, не рухнул в одночасье. О том, что надо укреплять не только армию, но и дух. И что дух — это стихи, это вера, это память.

Перед отъездом он написал новое стихотворение — утром, на берегу, глядя на проснувшееся море:

«Море спит, и чайки не кричат, Только волны лижут тихо камень.
Солнца луч пробился сквозь туман, Золотым расплавившись в нём пламенем.
Тишина. И только на душе
Светлый покой, как будто всё свершилось. Разве счастье в западном ковше?
Счастье в том, что сердце не разбилось».

Он перечитал, улыбнулся, спрятал листок в карман.

— Прощай, отче, — сказал он отцу Никодиму.

Возвращайся, — ответил монах. — И пиши. Не бросай.

— Постараюсь.

Вернувшись в Петроград, Филатов сразу поехал в Зимний. Рюрик встретил его радостно.

— Федя! Американцы согласились на совместное заявление. Мы выступаем за мир во всём мире. За сотрудничество.

— Хорошо, — кивнул Филатов. — Только я хочу добавить одно условие.

— Какое?

— Чтобы они официально признали, что Российская Империя — правопреемница СССР и Российской Республики.

— Это принципиально?

— Принципиально, — твёрдо сказал Филатов. — Чтобы ни у кого не было сомнений, кто здесь хозяин.

Рюрик улыбнулся.

— Я так и знал, что ты это скажешь.

— Ты меня знаешь, — ответил Филатов.

Они сели за стол, и Филатов, глядя на портрет Ростислава, прочитал свои новые стихи.

«Россия, мать моя, ты вновь восстала
Из пепла, из руин, из тяжких снов.
Твоя душа нисколько не устала
Беречь свою традицию от врагов.
Пускай Америка грызёт локти,
Европа пусть завидует в тиши,
Мы знаем: нами движут не расчёты,
А совесть наша и веление души».

Рюрик прослушал, потом сказал:

— Напечатаем в «Правде»? Народ должен знать.

— Напечатаем, — согласился Филатов.

Вечером, оставшись один, он открыл дневник и написал:

«Апрель 2062. Договор подписан. Американцы признали нашу силу. Мир наступил — не шаткий, а вполне крепкий. Но расслабляться нельзя. Потому что враг не дремлет. Он только ждёт, когда мы опустим руки.

Но мы руки не опустим. Мы будем строить, созидать, сочинять стихи и растить детей. И молиться, чтобы всё это не рухнуло.

Федя».

Утро 7 апреля выдалось на удивление светлым, будто сама природа решила отпраздновать подписание мирного договора с Америкой, и даже старый дуб под окном кабинета, который Филатов когда-то посадил своими руками в память о победе под Смоленском, зазеленел первыми мелкими листочками, и в этих листочках, ещё прозрачных, похожих на крылья стрекоз, запутались солнечные лучи и не могли вырваться.

Филатов сидел за столом, перечитывал окончательный текст договора, который должны были подписать сегодня в Хельсинки, и не верил своим глазам. Американцы согласились на всё. На всё. И на вывод войск из Германии, и на признание российской сферы влияния в Восточной Европе, и даже на то, что Крым навсегда остаётся российским. Они сдались не потому, что полюбили Россию, а потому, что у них не осталось сил для сопротивления, и Филатов это понимал, и от этого на душе было не радостно, а как-то пусто, будто ты выиграл битву, но противник ушёл не потому, что ты его победил, а потому, что у него кончились патроны.

— Федя, — раздался голос Рюрика за спиной, — ты готов? Через час вылетаем.

— Готов, — ответил Филатов, поднимаясь. — Только хочу одно стихотворение взять с собой. Прочитать там, после церемонии.

— Какое?

— Новое. Написал сегодня ночью.

Он достал из кармана мятый листок, развернул.

«Америка, ты помнишь те года, Когда диктовала нам свои законы?
Теперь ушла твоя былая власть вода, И не спасут тебя ни танки, ни иконы.
Мы не хотим тебя унижить, нет —
Мы просим мира, как просили раньше.
Услышь, Америка, наш тихий русский свет,
Услышь и встань с колен, и стань нам братом старшим».

Рюрик прочитал, усмехнулся.

— Ты их ещё братьями называешь?

— Они — наши противники, — ответил Филатов. — Но не враги. Враги те, кто в окопах сидел и в нас стрелял. А эти... эти просто проиграли. Им больно. Мы должны быть снисходительны.

— Ты слишком добр, Федя.

— Я — мудр, — сказал Филатов и вышел из кабинета.

Вертолёт ждал их на крыше Зимнего. Маша, уже на седьмом месяце, с трудом поднялась по трапу, но Рюрик поддерживал её, а Филатов нёс портфель с документами. Летели молча, каждый думал о своём, но все мысли сходились к одному: сегодняшний день войдёт в историю. День, когда Россия окончательно и бесповоротно стала главной державой мира.

Хельсинки встретил их солнцем и лёгким ветром с залива. Дворец, где проходили переговоры, был украшен флагами обеих стран — российскими и американскими, — и Филатов, глядя на звёздно-полосатое полотнище, почувствовал странную ностальгию, будто он сам когда-то был частью этой Америки, которую сейчас хоронили, но хоронили по-христиански, с прощением и надеждой.

Церемония подписания заняла не больше часа. Рюрик и американский президент обменялись ручками, поставили подписи, пожали руки. Филатов стоял в стороне, заложив руки за спину, и смотрел, как бумаги переходят из рук в руки, и думал: «Вот она, победа. Не та, о которой мечтают в окопах, а та, о которой молятся в храмах».

— Фёдор Александрович, — обратился к нему американский переводчик, — президент хочет сказать вам пару слов.

Филатов подошёл. Президент, старый, уставший, с глубокими морщинами на лице, сказал:

— Полковник, я знаю, что это вы всё организовали. Вы — настоящий герой.

— Я — солдат, — ответил Филатов. — А герои — те, кто не вернулся.

Президент хотел возразить, но передумал.

После церемонии был фуршет. Филатов не пил шампанского — налил себе минеральной воды, сел в углу и наблюдал за гостями. Американцы держались с достоинством, но без прежней надменности. Европейские дипломаты заискивали. Русские — улыбались, но сдержанно.

— Ну, Федя, — сказал Рюрик, подходя к нему с бокалом, — мы сделали это.

— Сделали, — кивнул Филатов. — Теперь главное — не разрушить.

— Не разрушим, — ответил император. — Обещаю.

Они чокнулись, и Филатов подумал: «Вот она, взрослая жизнь. Когда победа уже не пахнет порохом, а пахнет хлебом и цветами».

Вернулись в Петроград уже затемно. Филатов не пошёл в Зимний — попросил водителя отвезти его на квартиру. Ему нужно было побыть одному.

Он сидел у окна, смотрел на звёзды и писал в дневнике:

«Апрель 2062. Договор подписан. Американцы уходят. Россия остаётся. Мы победили, но победа эта — не наша, а тех, кто верил, кто ждал, кто надеялся. Я — только проводник их воли.

Пора отдыхать. Устал. Но знаю — завтра снова в бой. Потому что бой за мир — это самый трудный бой. Федя».

Возвращение в Петроград после подписания договора с американцами было не шумным, а каким-то будничным, будто и не случилось ничего особенного, будто просто закончился ещё один рабочий день, и можно выдохнуть, выпить чаю и лечь спать, но спать не хотелось, потому что внутри всё ещё кипело, и мысли, как встревоженные птицы, билась в голове, не находя выхода.

Филатов прошёл в свой кабинет, сел в кресло, снял сапоги — ноги гудели, старые раны напоминали о себе, — и долго смотрел в окно, на Неву, на мосты, на огни города, который так медленно, но верно возвращался к жизни. Послевоенный Петроград был другим — не таким, каким он запомнил его в детстве, не таким, каким он знал его до войны. Он был тише, что ли. И задумчивее. И люди на улицах не спешили, как раньше, а шли не торопясь, будто боялись пропустить что-то важное, будто каждый миг мирной жизни был драгоценен, и они не хотели его упускать.

— Фёдор Александрович, — раздался голос Белова из-за двери, — можно?

— Входи, — ответил Филатов, не оборачиваясь.

Белов вошёл, сел на стул у стены, положил на колени папку с бумагами.

— Ну, как там, в Хельсинки? — спросил он.

— Подписали, — коротко ответил Филатов. — Американцы согласились на всё.

— И вы не рады?

— Рад, — Филатов повернулся. — Но не до конца. Понимаешь, когда долго воюешь, привыкаешь, что враг — это враг. А тут... они уже не враги. Просто проигравшие. И мне их почти жалко.

— Жалко? — удивился Белов.

— Жалко, — повторил Филатов. — Они потеряли своё величие. Свою веру в себя. А без веры человек — не человек. Даже если этот человек — целая нация.

— Вы слишком много думаете о них, — заметил Белов.

— Долг побуждает, — ответил Филатов. — Мы победили. Мы должны быть милосердны. Иначе чем мы отличаемся от них?

Он помолчал, потом добавил:

— У меня есть стихи. Хочешь послушать?

— Конечно, — сказал Белов.

Филатов достал листок, на котором вчера, перед вылетом, набросал несколько строк. Прочитал негромко, но внятно:

«Когда-то мы просили лишь о мире,
Америка же требовала крови.
Теперь они стоят на том же пункте,
Где мы стояли, плача о любви.
Я не хочу глумиться над поверженным,
Я не хочу их добивать в крови.

Пусть уезжают, Богом ободрённые, И вспоминают прошлое в тиши».

Белов прослушал, кивнул.

— Хорошие стихи, Фёдор Александрович. Но вы слишком добры. Они не заслужили этой доброты.

— Не нам судить, кто заслужил, а кто нет, — ответил Филатов. — Бог рассудит. Наше дело — побеждать. И прощать.

Белов хотел возразить, но передумал.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь. — Пойду. Дел много. А вы отдыхайте. Завтра — новый день.

— Завтра — новый день, — повторил Филатов. — Спасибо, брат.

Они попрощались.

Наутро Рюрик прислал записку: «Федя, приходи к обеду. Будем обсуждать, как жить дальше».

Филатов оделся, вышел на улицу. День был солнечным, и в этом солнце было что-то умиротворяющее, что-то такое, что заставляло забыть о всех тревогах, о всех войнах, о всех потерях. Он шёл по Невскому, смотрел на прохожих, и ему казалось, что он видит их впервые — таких спокойных, таких домашних, таких родных.

В Зимнем его встретила Маша — уже с большим животом, но всё ещё лёгкая, всё ещё улыбчивая.

— Фёдор Александрович, — сказала она, — император в кабинете. Ждёт.

— А вы, Ваше Величество, как себя чувствуете? — спросил Филатов.

— Хорошо, — ответила Маша, поглаживая живот. — Мальчик шевелится. Наверное, торопится родиться.

— Не торопитесь, — улыбнулся Филатов. — Пусть ещё немножко посидит в животике. Спокойнее.

Он прошёл в кабинет. Рюрик сидел за столом, разбирал бумаги.

— Федя, — сказал он, — у меня предложение.

— Какое?

— Давай устроим в Петрограде фестиваль поэзии. В честь мира. Пригласим всех — и наших, и зарубежных поэтов. Пусть читают стихи о любви, о жизни, о родине.

Филатов задумался.

— Хорошая идея, — сказал он. — Только не надо политики. Пусть стихи будут о главном. О вечном.

— Согласен, — кивнул Рюрик. — Ты будешь выступать?

— Если позовут.

— Зову.

— Тогда я подготовлюсь.

Они обсудили детали, и Филатов поехал домой — готовить стихи для фестиваля. Ехал он не спеша, смотрел в окно автомобиля на весенний город и думал о том, что жизнь, кажется, налаживается. И что мир, наконец, наступил.

Фестиваль поэзии назначили на первое мая. В этот день, когда-то бывший праздником пролетариата, теперь стал днём мира и созидания. Рюрик лично утвердил программу, отобрал участников, и ни одного политика среди них не было — только поэты, музыканты, художники. Те, кто умел говорить с душой, а не с трибуны.

Филатов готовился к выступлению несколько дней. Перебирал свои стихи, выбирал самые пронзительные, самые светлые. Хотел прочитать одно — то, что написал недавно, про мир и весну.

Утром первого мая он приехал на Дворцовую площадь. Там уже толпился народ — тысячи людей, ветераны с орденами, молодые мамы с колясками, дети с воздушными шарами. Сцена была украшена живыми цветами, и на ней сияли буквы: «МИР».

Рюрик открыл фестиваль короткой речью.

— Друзья! — сказал он. — Сегодня мы собрались здесь не для того, чтобы вспоминать ужасы войны. Мы собрались для того, чтобы радоваться жизни. И славить поэзию, которая помогает нам жить.

Потом выступали другие. Кто-то читал о любви, кто-то о природе, кто-то о вере. Филатов слушал и думал: «Господи, как же талантлив русский народ!

Сколько в нём света, сколько надежды!»

И вот настала его очередь.

Он вышел на сцену, и площадь затихла. Только ветер шелестел флагами да где-то вдалеке кричала чайка.

— Друзья мои, — начал он, — я не поэт. Я солдат. Но сегодня я хочу прочитать вам стихи, которые написал сам. О том, что мы вынесли. И о том, что осталось.

И он начал, тихо, но уверенно:

«Мы шли сквозь кровь, мы шли сквозь грязь,

Мы шли сквозь холод и бессонницу.

Но в сердце каждого зажглась Святая праведная исступлённица.
Не для себя мы воевали, нет, — Для вас, для будущих потомков.
Чтоб не померк вовеки свет,
Чтоб не упал на землю жёсткий молот. Теперь мы здесь, на площадях,
Стихи читаем вместо пуль.
И враг, поникнув в скорбных снах, Услышит: «Русь не кинет в пуль».

Замолчал. Тишина. А потом — аплодисменты. Сначала редкие, потом всё громче, и вот уже вся площадь рукоплещет, и кто-то кричит «Браво!», и кто-то плачет, и Филатов, стоя на сцене, чувствует, как слёзы наворачиваются на глаза.

Он поклонился и ушёл со сцены.

В кулисах его ждал Рюрик.

— Ты гениален, Федя, — сказал император.

— Нет, — ответил Филатов. — Просто солдат, который умеет чувствовать.

Фестиваль продолжался до вечера. Стихи звучали и на русском, и на языках народов России, и на европейских языках — в знак того, что русские не держат зла на тех, кто недавно был врагом.

Филатов сидел в первом ряду, слушал и иногда записывал что-то в блокнот. Имена, строчки, мысли, которые приходили в голову. Он думал о том, что этот день войдёт в историю. Не как день победы, а как день примирения. И что в этом примирении — настоящая сила России.

К вечеру, когда солнце уже садилось за шпилями Петропавловской крепости, Рюрик предложил зажечь свечи памяти — по всем, кто не вернулся с войны. Тысячи свечей вспыхнули на Дворцовой площади, и Филатову показалось, что это не просто огоньки, а души павших, которые спустились на землю, чтобы увидеть, что их смерть была не напрасной. Он зажёг свою свечу, поставил на брусчатку, прошептал:

— Упокой, Господи, души усопших рабов Твоих. И прости нас, живых, за то, что мы не уберегли их.

Потом достал дневник и написал, стоя на коленях среди толпы:

«1 мая 2062 года. Петроград. Фестиваль поэзии. Тысячи людей, тысячи свечей. Стихи о мире. Я выступал. Меня слушали. Я плакал. Не стыдно. Стыдно не плакать, когда душа просит.

Американцы ушли. Мы остались. Но мы не враги им. Мы — соседи. Будем жить в мире. Федя».

Он закрыл дневник, спрятал за пазуху.

Фестиваль закончился, площадь опустела, только уборщики собирали мусор да кое-где горели забытые свечи.

Филатов пошёл домой пешком. По набережной, по мостам, по улицам, которые он знал с детства. И думал о том, что жизнь, кажется, налаживается.

Вечером того же дня, когда официальная часть переговоров закончилась и гости разошлись по комнатам в ожидании ужина, Филатов остался в Георгианском зале один. Он думал, что его никто не слышит, и позволил себе то, что никогда не позволял прилюдно — говорить открыто, без оглядки на дипломатию, без страха, что его слова используют против России.

Он стоял у карты Европы, которая висела на стене, и смотрел на очертания стран, которые когда-то были великими монархиями, а потом пали под натиском революций, демократий и коммунизма. Теперь они поднимались заново, но поднимались медленно, с болью, с потерями, и ему, Филатову, предстояло помочь им встать на ноги. Не как завоевателю, а как старшему брату, как тому, кто прошёл через то же самое и выжил.

Из-за колонны его не видели, но слышали. Французский принц Луи и германский кайзер Фридрих Вильгельм, которые задержались в зале, чтобы обсудить свои дела, замерли, не решаясь выйти. А Филатов, думая, что он один, начал говорить — негромко, но внятно, каждое слово чеканя, как патрон в магазине:

— Я — Филатов. Не царь, не князь, не дворянин. Я — его слуга. Слуга Бога, слуга Царя, слуга России. И я стою за него, умирая. Даже когда сил нет — стою. Даже когда страшно — стою. Потому что если я упаду, то кто поднимет знамя?

Он замолчал, собираясь с мыслями. Потом продолжил:

— Я его всё равно спасаю. Не потому, что я сильный, а потому что Господь даёт силы. А когда меня не станет — мой сын продолжит дело. И спасём мы нашу страну. Выполняя священный долг, который нам завещали предки. Пусть народ не понимает. Пусть смеются, проклинают, плюют вслед. Я делаю святое дело. Я исполняю святой долг.

Он перекрестился.

— Господи, прости их, ибо не ведают, что творят. А мне дай сил дойти до конца.

В зале повисла тишина. Принц и кайзер переглянулись.

— Слышите? — прошептал француз.

— Слышу, — ответил немец. — Этот человек говорит правду. Такие не предают. С такими надо быть в союзе.

Филатов повернулся, чтобы уйти, и только тогда заметил их. Он смутился, но быстро взял себя в руки.

— Простите, господа, — сказал он. — Я думал, я один.

— Не извиняйтесь, — ответил кайзер. — Мы те, кто должен был это услышать.

Они пожали друг другу руки, и Филатов вышел из зала с чувством, что этот день не прошёл даром.

Подписание итоговых документов с Америкой назначили на 15 апреля, в Петрограде, в Георгиевском зале — том самом, где когда-то Ростислав принимал присягу, а потом, спустя годы, его сын Рюрик подписывал указ о восстановлении монархии.

Филатову не довелось сидеть за столом переговоров — его место было рядом, в кресле наблюдателя, но он не роптал. Он знал: его дело — не подписывать бумаги, а делать так, чтобы эти бумаги не оказались пустыми.

Утром, перед церемонией, он зашёл в кабинет Рюрика.

— Князь, — сказал он, — разреши мне прочитать стихи. Не сейчас, когда будут посторонние, а перед. Только для тебя. Для Маши. Для тех, кто был с нами все эти годы.

— Читай, — ответил Рюрик.

Филатов достал листок.

«Закончен бой, закончен этот путь,
Что вёл нас через смерть и через слёзы.
Успокой свою израненную грудь —
Закончились бесконечные угрозы.
Америка склонила гордый стяг,
Европа ищет с нами новой дружбы.
Тот не поймёт, кто жизни не платил,
Как тяжелы бывают эти службы».

Рюрик молчал. Маша, стоявшая рядом, уткнулась ему в плечо.

— Спасибо, Федя, — тихо сказал император.

— Не меня благодарите, — ответил Филатов. — Отца вашего. И всех, кто не дожил.

Церемония подписания прошла без эксцессов. Американский посол, старый дипломат, помнивший ещё времена холодной войны, поставил подпись, его помощники — вслед за ним. Рюрик подписал последним.

— Господа, — сказал он, вставая, — этот день войдёт в историю. День, когда Россия и Америка договорились жить в мире.

— В мире, — повторил посол, но в голосе его не было радости — была только принятая неизбежность.

Филатов стоял в стороне, не аплодировал, не улыбался. Он знал, что подписание договора — это только начало. И что главная битва ещё впереди — битва за мир.

Вечером, когда гости разъехались, Филатов поднялся в свой кабинет. Он сидел у окна, смотрел на закат и писал в дневнике:

«Апрель 2062. Договор с Америкой подписан. Теперь — Европа. Надо поднимать её из руин, искать новых королей, помогать, советовать. Я устал. Но рано отдыхать. Ещё столько дел.

Американцы ушли, но оставили после себя пустоту. Заполнить её можем только мы. И мы заполним. Помоги, Господи. Федя».

Он закрыл дневник и долго смотрел на звёзды.

Через неделю после подписания договора Филатов объехал военные части, которые дислоцировались в пригородах Петрограда. Он видел солдат — молодых, весёлых, уже забывших, что такое война, и старых, ещё помнящих, но уже не желающих вспоминать.

В одной из частей его встретил молодой лейтенант, который попросил прочитать стихи.

— Прочитайте, Фёдор Александрович, — сказал он. — Вдохновите нас на мирные будни.

Филатов усмехнулся. — Ладно, — сказал он. — Вот тебе, лейтенант, стих.

«Не бойтесь мирной жизни, солдаты,
Она труднее, чем война.
Здесь нет атак, здесь нет гранаты,
Но есть Россия, что верна.
Работайте, учитесь, любите, Детей растите, стройте дом.
Тогда враги нас не сломят — Мы станем праведным щитом».

Лейтенант кивнул.

— Запомню, — сказал он.

— Запоминай, — ответил Филатов.

Глава 2. Реставрация Европы

На следующий день после подписания договора с Америкой Филатов проснулся ни свет ни заря — в шесть утра, когда город ещё спал, а на Неве только начинала розоветь предрасветная заря. Он оделся, вышел на набережную и долго стоял, глядя на воду. Апрель в этом году выдался на редкость тихим — ни ветра, ни дождей, только солнце, которое с каждым днём поднималось всё выше и грело всё сильнее.

«Пора, — подумал он. — Пора собирать монархов. Европа не может больше оставаться без твёрдой власти. Коммунисты ещё не добиты, демократы прячутся по щелям, анархисты устраивают погромы. Если мы не поможем — всё рухнет».

Он вернулся в Зимний, поднялся в кабинет императора. Рюрик уже сидел за столом, пил кофе и читал утренние сводки.

— Федя, — сказал он, — ты рано.

— Не спится, — ответил Филатов. — Думаю о Европе.

— Что с ней?

— Восстанавливать надо. И не только города, но и души. Люди потеряли веру в себя, в свои правительства, в будущее.

— Ты предлагаешь снова ехать по странам?

— Предлагаю, — твёрдо сказал Филатов. — Собрать всех, кто ещё помнит, что такое монархия, кто готов взять на себя ответственность. Не навязывать, а предложить. Помочь деньгами, войсками, советом.

Рюрик помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Поезжай. Я дам тебе мандат и полномочия. Только будь осторожен.

— Я всегда осторожен, — усмехнулся Филатов.

— Знаю, — ответил император. — Потому и посылаю.

Первой страной, куда отправился Филатов, была Франция. Старые связи, которые он завязал ещё во время войны, помогли ему быстро встретиться с претендентами на престол — не с теми, кто громко кричал о своих правах, а с теми, кто тихо жил в своих поместьях и ждал своего часа.

Он приехал в Париж в конце апреля. Город ещё не оправился от войны — многие районы лежали в руинах, но люди уже вышли на улицы, торговали, строили, убирали мусор. Филатов проехал по Елисейским полям, посмотрел на

Триумфальную арку, которая чудом уцелела после бомбёжек, и подумал: «Франция жива. Её не сломили».

Встреча с принцем Луи, прямым потомком Людовика XIV, состоялась в его скромном особняке на окраине Парижа. Принц был не молод, но ещё бодр, и глаза его горели огнём, который Филатов привык видеть у людей, верящих в своё дело.

— Ваше Высочество, — сказал Филатов, — Франция нуждается в вас. Народ устал от республиканской болтовни, от партийных склок, от безвластия. Он хочет твёрдой руки, но не тирании, а порядка.

— Я знаю, — ответил принц. — Но боюсь, что меня не примут.

— Примут, — твёрдо сказал Филатов. — Потому что за вами — Россия. А Россия не бросает своих союзников.

Они проговорили несколько часов, и к вечеру принц дал согласие.

Филатов, вернувшись в гостиницу, написал в дневнике:

«Франция. Принц Луи согласился. Через месяц — коронация. Надо готовить церемонию, приглашать гостей, помогать с финансами. Россия не должна экономить на будущем Европы. Федя».

Через три дня Филатов был уже в Берлине. Германия, разорённая войной, лежала в руинах, но немцы, вопреки ожиданиям, не роптали. Они работали — на заводах, на стройках, в полях, и эта работа была для них лучшим лекарством от отчаяния.

Кайзер Фридрих Вильгельм, потомок Гогенцоллернов, встретил Филатова в своём временном жилище — маленьком замке под Потсдамом, уцелевшем после бомбёжек.

— Полковник, — сказал он, — я ждал вас. Нам нужна помощь.

— Помощь будет, — ответил Филатов. — Но и вы должны помочь нам. Мы не можем держать войска в Германии вечно. Вы должны сами встать на ноги.

— Я постараюсь, — сказал кайзер.

Они выработали план совместных действий: Россия предоставляет кредиты, технику, советников, Германия обязуется провести реформы и создать боеспособную армию для защиты своих границ.

Филатов уехал довольный, но уставший.

Следующей страной стала Австрия. Там претендентом на трон был эрцгерцог Карл, потомок Габсбургов, человек молодой, но уже проявивший себя как мудрый и твёрдый правитель.

Он встретил Филатова в Вене, в Хофбурге, который реставрировали русские специалисты.

— Фёдор Александрович, — сказал Карл, — я слышал о ваших делах во Франции и Германии. Вы делаете большое дело.

— Не я, — ответил Филатов. — Время. Оно требует порядка.

— Вы правы, — кивнул эрцгерцог. — Я согласен. Принимаю корону.

— Но помните, — сказал Филатов, — корона — это не власть, а ответственность. Народ будет судить вас не по титулу, а по делам.

— Я помню, — ответил Карл.

Италия, Испания, Португалия, Бельгия, Нидерланды, Дания, Швеция, Норвегия

— Филатов объехал все страны, где ещё можно было восстановить монархию. Везде его встречали с надеждой, везде соглашались на предложения России, везде просили помощи.

Он писал письма императору, звонил, отдавал распоряжения. И везде повторял одно и то же:

— Мы не враги вам. Мы — друзья. Россия не хочет управлять Европой. Россия хочет, чтобы Европа сама управляла собой. Но для этого нужны сильные и мудрые лидеры. Станьте ими.

В конце мая, вернувшись в Петроград, Филатов доложил Рюрику о результатах.

— Все согласны, Князь. Все ждут нашей помощи. Я думаю, через год Европа встанет на ноги.

— Ты устал, Федя, — сказал император. — Отдохни.

— Успею, — ответил Филатов. — Сначала закончим дела.

В июне в Петрограде прошёл съезд европейских монархов. Тех, кого Филатов уговорил принять короны, тех, кто уже короновался, и тех, кто только готовился к коронации.

Георгиевский зал был полон. Оркестр играл гимны, дамы в бальных платьях кружились в вальсе, мужчины в военной форме обсуждали политику.

Филатов стоял в стороне, у колонны, и смотрел на это торжество. Он не танцевал, не пил шампанского, не участвовал в разговорах. Он просто смотрел и думал о том, что этот день, возможно, самый важный в его жизни.

К нему подошёл Рюрик.

— Ты не рад, Федя?

— Рад, — ответил Филатов. — Но грустно.

— Почему?

— Потому что многих нет. Тех, кто должен был быть здесь. Тех, кто не дожил.

Рюрик положил руку ему на плечо.

— Они здесь, — сказал он. — В наших сердцах.

Филатов кивнул и достал блокнот.

— Я хочу прочитать стихи. Посвящённые им.

— Читай, — разрешил император.

Филатов отошёл на середину зала, поднял руку, прося тишины.

— Господа, — сказал он. — Я не оратор. Я солдат. Но сегодня я хочу прочитать вам стихи, которые написал по дороге из Европы.

Замолк, потом начал:

«Мы собирали вас по крохам, По городам, по весям, по дворцам.
Когда Европа пала перепуганным и вздохом,
Мы подали надежду её скачущим сердцам.
Я не устал, хоть кости ноют, Я не прошу награды за труды.
Пусть внуки скажут: "Это было стоит!"
Пусть не сожгут невежества ряды». (продолжение стиха, но я сокращаю для объёма)

Закончил, и зал взорвался аплодисментами.

Съезд продолжался три дня. Были подписаны договоры о дружбе и сотрудничестве, о совместной обороне, о культурном обмене. Филатов участвовал почти во всех заседаниях, но не как политик, а как наблюдатель, как человек, который знает цену каждому слову.

На четвёртый день, когда гости уже разъезжались, он остался в Георгиевском зале один. Сидел на ступенях тронного возвышения, смотрел на пустой зал и думал о том, что это, возможно, его последняя миссия.

— Федя, — раздался голос Рюрика.

Филатов обернулся.

— Князь, — сказал он. — Ты ещё здесь?

— Ждал тебя, — ответил император, садясь рядом.

Они сидели на ступенях тронного возвышения в пустом Георгиевском зале – император России и его старый наставник, два человека, которые меньше всего походили на триумфаторов. Вокруг не было ни свиты, ни министров, ни охраны – только тишина, нарушаемая редкими шагами дежурных офицеров в коридоре да далёкими звуками оркестра, который репетировал в соседнем зале.

–

Знаешь, Федя, – сказал Рюрик, глядя на потолок, где старые мастера расписали своды сценами из жизни Александра Невского, – иногда я чувствую себя не императором, а мальчишкой, который играет во взрослые игры. Сажусь на трон, подписываю указы, принимаю послов, а сам думаю: правильно ли я делаю? Туда ли иду?

–

Все так думают, – ответил Филатов, потирая левую руку, которая затекла после долгого сидения на твёрдых ступенях. – Те, кто не сомневается, – дураки или безумцы. А ты не дурак. И не безумец.

–

Это ты так думаешь.

–

Это я знаю, – твёрдо сказал Филатов.

Рюрик помолчал, потом спросил:

–

А ты сам? Ты сомневаешься?

–

Каждый день, – честно ответил Филатов. – Каждый раз, когда принимаю решение, от которого зависят жизни людей. Но я научился не показывать сомнений. Солдаты не должны видеть, что их командир колеблется. И народ не должен видеть, что его император сомневается.

–

А как же правда?

–

Правда – это хорошо, – сказал Филатов. – Но есть вещи, которые лучше делать, чем объяснять. Почему ты вдруг об этом заговорил?

Рюрик вздохнул.

–

Потому что Маша скоро родит. И я думаю о том, каким отцом буду. Смогу ли я воспитать сына так, как ты воспитал меня? Или я слишком занят государственными делами и пропущу что-то важное?

–

Ты пропустишь, – не стал скрывать Филатов. – Это неизбежно. Но ты можешь сделать так, чтобы рядом с твоим сыном всегда были люди, которые скажут ему правду и научат его тому, что ты не успеешь.

–

Как ты научил меня?

–

Как я научил тебя, – кивнул Филатов. – Но я уже стар, Князь. Я не доживу до того дня, когда твой сын станет мужчиной. Ты должен найти ему наставника сам.

–

Я не хочу никого другого, – сказал Рюрик, и в голосе его послышалась та самая детская, почти мальчишеская интонация, которую Филатов так хорошо помнил по Линне.

–

Придётся, – ответил Филатов. – Потому что я – не вечен.

Они замолчали. Тишина в зале стала какой-то особенной – не пустой, а наполненной смыслом, как старая икона, на которой золото потемнело от времени, но лики святых всё ещё видны.

–

Федя, – сказал Рюрик после долгой паузы, – прочитай мне свои стихи. Те, что ты писал в Европе. Я знаю, ты их никому не показывал, но я хочу услышать.

Филатов усмехнулся, достал из нагрудного кармана потрепанный блокнот.

–

Ты угадал. Я никому не показывал. Но тебе – прочитаю.

Он открыл блокнот на закладке – маленькой ленточке, которую когда-то оторвал от своего старого дневника.

«Мы шли по Европе, и пепел кружился, Как снег над сожжённой дотла красотой.

Никто из сражавшихся там не смутился —

Ни тот, что с винтовкой, ни тот, что с клюкой. Мы вынесли немцев, мы вынесли красных, Мы вынесли ужас ночных бомбёжек.

Осталось лишь то, что так дорого нам, —

Надежда на то, что мы будем не те же.

Не те же, что прежде – продажные, злые,

Не те, что предали царский венец.

А те, кто воскрес из руин, из небытия, Кто в Бога поверил и сбросил свинец».

Рюрик слушал, не перебивая. Когда Филатов закончил, он тихо сказал:

–

Это сильно. Очень сильно.

–

Это правда, – ответил Филатов. – Я никогда не умел врать. Даже в стихах.

–

А знаешь, – сказал император, – когда я был маленьким, я думал, что ты всё умеешь. Что ты – сверхчеловек. А теперь я понимаю: ты – просто человек. Самый обычный, со своими страхами, сомнениями, печалью. И это, наверное, самое трудное – принять, что твой герой не бог.

–

Я никогда не был богом, – сказал Филатов. – Я был солдатом. И остаюсь им.

Он спрятал блокнот, поднялся, потянулся – хрустнули старые кости.

–

Пойду, Князь. Завтра рано вставать. У меня ещё одна поездка – в Скандинавию. Тамошние монархи тоже ждут помощи.

–

Ты не устал?

–

Устал, – честно ответил Филатов. – Но не настолько, чтобы сдаться.

Он пошёл к выходу, но на пороге обернулся.

—

Рюрик, ты хороший император. Не сомневайся в себе. И не бойся ошибаться. Ошибки — это тоже опыт. Главное — не повторять их дважды.

—

Спасибо, Федя, — сказал Рюрик.

Филатов кивнул и вышел.

Ночью, сидя в своём кабинете, он открыл дневник и написал:

*«Париж, Берлин, Вена, Рим, Мадрид, Лиссабон, Брюссель, Гаага, Копенгаген, Стокгольм, Осло — я объехал почти все европейские столицы. Везде находятся люди, готовые взять на себя ответственность за будущее своих стран. Везде нужна наша помощь. Я обещал помочь. Обещал за себя? За Россию? За императора? Надеюсь, что Рюрик не подведёт».

Он перечитал написанное и добавил:

«Но есть ещё одно дело — Скандинавия. Там до сих пор беспокойно. Коммунисты и демократы пытаются взять реванш. Надо ехать. И помочь. Иначе вся наша работа пойдёт прахом. Федя».

Он закрыл дневник, задул свечу и лёг спать.

За окном занимался новый день — день, который должен был принести новые заботы, новые победы и новые стихи.

Скандинавия встретила Филатова серым, промозглым утром, когда солнце, казалось, забыло дорогу в эту часть света, и даже птицы пели как-то нехотя, будто тоже ждали тепла, но не смели на него надеяться. Он прилетел в Копенгаген на военном транспортнике, который доставил гуманитарную помощь — муку, медикаменты, детское питание, — и вышел из самолёта первым, вдохнул солёный воздух, смешанный с запахом рыбы и водорослей, и подумал: «Вот она, Дания. Королевство, которое помнит викингов, но забыло, что такое царь».

Его встречали местные монархисты — небогатые, плохо одетые, но с горящими глазами, потому что вера в Бога и в императора была у них единственным оружием против наступающего хаоса. Старый граф Ульф, седой, с клюкой, но ещё бодрый, пожал ему руку и сказал:

— Фёдор Александрович, мы ждали вас. Датский народ устал от республиканской болтовни. Мы хотим вернуть короля. Настоящего короля, помазанника Божьего.

— Короля найдём, — ответил Филатов. — И поможем ему править. Но и вы должны помочь себе сами.

Граф кивнул.

— Мы готовы, — сказал он.

Они сели в машину и поехали в город. Копенгаген был разрушен не так сильно, как Берлин или Париж, но следы войны были видны везде — обгоревшие здания, пустые витрины, редкие прохожие, которые кутались в старые пальто и не поднимали голов. Филатов смотрел на эту картину и не мог отделаться от мысли, что Европа, которую он помнил по довоенным поездкам, исчезла навсегда, и вместо неё пришла новая, пока ещё серая, но уже обещающая возрождение.

— А где сейчас претендент на трон? — спросил он.

— В своём поместье, — ответил граф. — Он ждёт вас. Боится.

— Чего?

— Что вы приедете не с миром, а с войной. Что Россия хочет посадить своего ставленника, а не дать датчанам самим выбрать царя.

— Глупости, — сказал Филатов. — Император Рюрик не нуждается в чужих тронах. Он хочет, чтобы Европа была сильной и независимой. А сильная Европа — это Европа с царями, а не с президентами.

Граф облегчённо вздохнул.

— Я передам ему ваши слова, — сказал он.

— Не передавайте, — ответил Филатов. — Я сам скажу.

Поместье, где жил претендент на датский престол, стояло на берегу моря, окружённое старыми дубами, которые помнили ещё викингов. Сам принц, худой, высокий, с печальными глазами и нервными руками, встретил Филатова на крыльце.

— Полковник, — сказал он, — я знаю, зачем вы приехали. Вы хотите предложить мне корону.

— Не предлагаю, — ответил Филатов. — Просто констатирую факт: Дания нуждается в царе. Если вы откажетесь, мы найдём другого. Но я надеюсь, что вы согласитесь.

— А если я откажусь?

— Тогда вы навсегда останетесь в истории человеком, который побоялся взять на себя ответственность.

Принц промолчал, потом пригласил Филатова в дом. Они пили кофе, говорили о политике, о будущем Европы, о роли императора в новом мире. Филатов объяснял, что Россия не претендует на чужие территории, что царь Рюрик — это не захватчик, а союзник, что Бог дал России миссию — защищать Европу от хаоса.

— Я согласен, — сказал наконец принц. — Но при одном условии: Дания остаётся независимой. Ваши войска не будут стоять на нашей земле дольше, чем это необходимо.

— Согласен, — кивнул Филатов.

Они ударили по рукам.

Ночью, сидя в гостинице, Филатов писал дневник:

«Копенгаген. Датский принц согласился. Ещё одна страна возвращается к монархии. Бог не оставляет Европу. И Россия не оставляет».

Он перечитал, усмехнулся, добавил:

«Но главное впереди — Швеция и Норвегия. Там коммунисты подняли голову. Придётся повоевать. Надеюсь, ненадолго. Федя».

Он закрыл дневник и лёг спать. Снился ему император Рюрик, который стоял на балконе Зимнего и смотрел на запад. Ветер трепал его волосы, и он улыбался.

— Всё правильно, Федя, — сказал он. — Всё правильно.

Утром следующего дня Филатов собрался ехать в Швецию, но перед отъездом решил ещё раз встретиться с датским принцем, чтобы обсудить детали коронации. Они встретились в той же гостиной, где вчера пили кофе, и Филатов, глядя на портрет короля Кристиана X, висевший на стене, сказал:

— Ваше Высочество, коли вы согласны принять корону, то должны знать: царь — это не только права, но и обязанности. Вы будете отвечать перед Богом за каждого подданного. Ибо власть даётся свыше, а не от парламентского большинства.

Принц кивнул.

— Я понимаю, полковник. Император Рюрик уже объяснил мне это по телефону.

— Император — мудрый правитель, — сказал Филатов. — Но вам придётся учиться самому. Коль будут трудности — обращайтесь к нам. Россия не бросит своих союзников.

Они проговорили ещё час о том, как восстанавливать экономику, как бороться с коммунистическим подпольем и как вернуть народу веру в Бога и царя. Принц слушал внимательно, записывал, задавал вопросы. Филатов видел, что этот человек действительно хочет помочь своей стране, и это радовало его больше, чем любые политические договорённости.

— Ещё одно, — сказал Филатов перед отъездом. — Коль вы станете королём, не забывайте: царь — это слуга народа, а не господин. Ибо только служение делает власть праведной.

— Я запомню, — ответил принц.

Филатов сел в машину и поехал в аэропорт. Через час он уже был в воздухе, направляясь в Стокгольм.

Швеция встретила его дождём — мелким, колючим, который, казалось, проникал всюду, даже за воротник плаща. Филатов не любил такую погоду, но терпел, ибо привык ко всему за долгие годы войны и странствий.

В Стокгольме его ждали не только монархисты, но и тревожные новости: коммунисты, чувствуя слабость временного правительства, активизировались. Они устраивали забастовки, громили полицейские участки, убивали священников. Филатов понимал: если не вмешаться сейчас, Швеция может пасть, как когда-то пала Россия в семнадцатом.

— Господин полковник, — сказал ему молодой капитан шведской армии, встречавший в аэропорту, — нам нужна помощь. Ваша помощь. Ибо своими силами мы не справимся.

— Помощь будет, — ответил Филатов. — Коль вы готовы бороться за свою страну, мы поможем оружием, деньгами, советниками. Но главное — вы должны найти лидера, который поведёт народ.

— У нас есть принц Карл Густав, — сказал капитан. — Он живёт в своём замке, недалеко от столицы. Он ждёт вас.

— Тогда едем, — сказал Филатов.

Замок принца стоял на берегу озера Меларен, окружённый соснами, которые шумели под порывами ветра. Сам принц, высокий, седой, с орлиным носом и цепкими глазами, встретил Филатова на крыльце.

— Полковник, — сказал он, — я знаю, зачем вы приехали. Вы хотите предложить мне корону. Коль я откажусь — вы найдёте другого. Но я не откажусь. Ибо вижу: Швеция гибнет без твёрдой власти.

— Вы мудрее, чем я думал, — ответил Филатов. — Император Рюрик будет рад.

Они прошли в библиотеку, и Филатов изложил свой план: Россия предоставит Швеции кредиты, военную помощь, но при условии, что принц проведёт реформы, укрепит армию и наведёт порядок в стране.

— Согласен, — сказал принц. — Но что вы просите взамен?

— Мы просим только одного: Бог дал нам миссию — защищать Европу. Не мешайте нам это делать.

Принц усмехнулся.

— Я и не собирался, — сказал он.

Норвегия была последней страной в скандинавском турне Филатова. Там дела обстояли ещё хуже, чем в Швеции: коммунисты, поддерживаемые остатками американских агентов, контролировали несколько городов на севере, и правительство, номинально существовавшее в Осло, не имело реальной власти.

Филатов прилетел в столицу вечером, и его встретил старый друг — норвежский генерал, с которым они вместе воевали против красных ещё в двадцатых.

— Фёдор, — сказал генерал, обнимая его, — ты как раз вовремя. Коль вы не поможете, мы проиграем.

— Не проиграете, — ответил Филатов. — Ибо с вами Россия.

Они обсудили ситуацию, и Филатов предложил план: российский десант высадится на севере, разгромит коммунистические отряды, а норвежские войска зачистят освобождённые территории.

— А как же международное право? — спросил генерал.

— Император Рюрик уже уведомил НАТО, что мы действуем по просьбе законного правительства Норвегии, — сказал Филатов. — Коль кто-то возразит — пеняйте на себя.

— Ты всегда был решительным, — усмехнулся генерал.

— Ибо война не терпит нерешительности, — ответил Филатов.

Операция по освобождению северной Норвегии заняла три дня. Российский десант — три батальона «теней» — высадился с кораблей и вертолётов, разгромил коммунистические отряды и взял под контроль ключевые города. Филатов руководил операцией из штаба, размещённого в здании старой кирхи, где когда-то молились викинги.

— Докладывайте, — говорил он командирам.

— Северный фронт — чисто, — отвечали ему.

— Потери?

— Минимальные.

— Хорошо, — кивал Филатов. — Бог помогает тем, кто защищает правду.

На четвёртый день норвежский принц, который всё это время находился в Осло, выступил по радио с обращением к народу:

— Дорогие соотечественники! Коммунистическая угроза ликвидирована. Россия помогла нам сохранить свободу. Император Рюрик и его верный полковник Филатов спасли нашу страну. Да здравствует царь! Да здравствует Норвегия!

Филатов, слушая эту речь в штабе, усмехнулся.

— Норвежцы — хороший народ, — сказал он генералу. — Коль они будут такими же стойкими в мирной жизни, как в войне, то у них всё получится.

— Получится, — ответил генерал. — Ибо мы будем помогать.

Вернувшись в Петроград, Филатов доложил императору о результатах поездки.

— Скандинавия теперь наша, — сказал он. — Не в смысле оккупации, а в смысле — наши союзники. Ибо без нас они бы не выстояли.

— Ты устал, Федя, — заметил Рюрик.

— Устал, — признался Филатов. — Но коль я устаю, то значит, дело делается.

— Отдохни, — сказал император. — Завтра приедет Машина мать, будем говорить о будущем ребёнке.

— О будущем царя? — спросил Филатов.

— О будущем императора, — поправил Рюрик. — Коль родится сын.

— Родится, — уверенно сказал Филатов. — Ибо Бог хранит Россию.

Ночью Филатов сидел в своём кабинете, перечитывал дневник и писал новые стихи. Он вспоминал Скандинавию, её холодные фьорды, её мужественных людей, которые, несмотря ни на что, верили в Бога и в царя.

«Скандинавский ветер, северная доля,
Ты не сломил нас, ибо мы сильны. Мы защитили вашу царску волю
От коммунистической чумы.
Спасибо императору за помощь,
Спасибо Богу за святую рать.
Мы не оставим вас — коль будет нужно, Придём опять, придём опять».

Он перечитал, поставил дату и подпись: «Филатов, полковник».

— Можно, — сказал он сам себе. — Бог дал талант — надо использовать.

Он закрыл дневник и лёг спать.

За окном занимался новый день — день, когда Россия продолжала спасать Европу, а император Рюрик и его верный слуга Филатов стояли на страже мира.

Вернувшись в Петроград после скандинавского турне, Филатов рассчитывал хотя бы на неделю покоя, но не тут-то было: на пороге его кабинета в Зимнем уже ждали послы из Греции и Болгарии, которым не терпелось обсудить восстановление монархий в их странах. Он вздохнул, поправил ремень на левой руке и сказал себе: «Бог дал силы — значит, надо работать».

Греческий посол, старый дипломат с лицом, похожим на выцветшую фреску, говорил долго и путано, но Филатов, слушая его, уловил главное: в Греции есть претендент на престол, потомок древней династии, но он боится возвращаться, потому что коммунисты угрожают ему расправой.

— Передайте ему, — сказал Филатов, — коли он согласится стать царем, Россия обеспечит его безопасность. Мы не допустим, чтобы враги уничтожили законную власть.

— А что мы должны сделать взамен? — спросил посол.

— Ничего, — ответил Филатов. Ибо сильная Греция — это наша общая победа над хаосом.

Болгарский посол был моложе и говорил более конкретно: Болгария готова принять царя, если Россия поможет восстановить экономику и навести порядок в армии.

— Поможем, — сказал Филатов. Коли вы будете верны императору и Богу, мы не оставим вас в беде.

После приёма послов Филатов пошёл в кабинет Рюрика. Император сидел за столом, разбирал бумаги, а рядом, в кресле, дремала Маша, которая была уже на последних неделях беременности и редко выходила из покоев.

— Федя, — сказал Рюрик, поднимая голову, — я слышал, греки и болгары пришли к тебе.

— Пришли, — подтвердил Филатов. — Прсят помощи.

— Дашь?

— Дам. Ибо без нас они пропадут.

Хорошо, — кивнул император. — Тогда готовь для них то же, что и для других — деньги, советников, охрану.

— Уже готовлю, — сказал Филатов. — А как Маша?

— Спит, — тихо ответил Рюрик. — Врачи говорят, скоро родит. Коли Бог даст, сына.

— Бог даст, — сказал Филатов. — Ибо Россия нуждается в наследнике.

Они помолчали, глядя на спящую императрицу.

Выйдя от императора, Филатов отправился в свои покои, чтобы написать письма греческому и болгарскому претендентам. Он писал долго, выводя каждую букву, ибо хотел, чтобы они поняли: Россия не просто обещает, Россия держит слово.

«Ваше Высочество,

Император Рюрик Романов поручил мне сообщить Вам, что Россия готова признать Вас законным царём Греции (Болгарии), коли Вы согласитесь править во имя Бога и на благо своего народа. Мы окажем Вам военную, экономическую и дипломатическую поддержку в восстановлении монархии.

Ибо только сильная и независимая Европа может противостоять врагам порядка. Коли Вы принимаете это предложение, прошу Вас прибыть в Петроград для подписания необходимых документов.

С уважением,

Полковник Филатов,

*Советник императора».

Он запечатал конверты, отдал их адъютанту и лёг спать.

Снилась ему Греция — белые дома, синее море, старые храмы, в которых молились ещё апостолы. И он шёл по мраморной лестнице, поднимался на вершину холма, и там, у подножия креста, стоял царь и благословлял народ. «Вот она, настоящая вера», — подумал Филатов и проснулся.

Утром его ждали новые дела. И он, помолившись, принялся за них ибо таков его долг.

Возвращение в Петроград после скандинавского вояжа было для Филатова не столько возвращением домой, сколько сменой одного поля боя на другое, потому что император Рюрик ждал его не с объятиями, а с новыми заботами — как и подобает царю, который думает не о покое, а о державе.

— Федя, — сказал Рюрик, когда они встретились в кабинете Зимнего, — ты проделал огромную работу. Дания, Швеция, Норвегия — это только начало. Теперь надо закрепить успех, ибо коли мы не поможем этим царям укрепиться на тронах, то всё пойдёт прахом. Бог дал нам возможность — мы обязаны ею воспользоваться.

Филатов сидел в кресле, потирая левую руку, которая затекла после долгого перелёта. Он смотрел на карту Европы, висевшую на стене, и видел на ней не только границы, но и судьбы миллионов людей — тех, кто надеялся на Россию, кто ждал от неё не подачек, а настоящей помощи.

— Князь, — сказал он, — коли мы берёмся за восстановление Европы, то должны делать это основательно. Не просто посадить царей на троны, а помочь им выстроить государство. Ибо без порядка и дисциплины любая монархия рассыплется, как картонный домик.

— Что ты предлагаешь? — спросил император.

— Я предлагаю отправить в каждую страну советников — не надзирателей, а помощников. Тех, кто научит местные кадры управлять экономикой, армией, правосудием. И не на год, а на пять, на десять лет. Коль мы сделаем это сейчас, потом пожинать плоды будут наши дети и внуки.

Рюрик задумался. Он встал, подошёл к окну, посмотрел на Неву, которая в этот вечер была спокойной, почти зеркальной, отражая закатное солнце.

— Это дорого, — сказал он. — И долго.

— Царь не должен считать каждую копейку, когда речь идёт о безопасности державы, — твёрдо ответил Филатов. — Коль мы сэкономим сейчас, то потом заплатим кровью. А Бог не любит скупых.

Рюрик повернулся к нему, и в его глазах Филатов увидел то, что видел много раз за годы их совместной работы — усталость, смешанную с решимостью.

— Хорошо, — сказал император. — Делай как знаешь. Я доверяю тебе.

Филатов кивнул, поднялся и пошёл к выходу, но на пороге остановился.

— Князь, — сказал он, — я хочу прочитать тебе стихи. Новые. Про Европу.

— Читай, — тихо ответил Рюрик.

Филатов достал из нагрудного кармана сложенный листок, развернул.

«Спасли мы Данию от красных,
От коммунистической чумы.
Настало время, час прекрасный, Когда свободны все народы от тюрьмы. Но мало трон
поставить, ибо,

Надобно учить править.

Царь — не помазанник для дыбы,*

А страж порядка, Божий избранник, храбрый.

Пошлём мы в Скандинавию советников, Чтоб научили царей премудростям земным.

И пусть там не будет ненавистников,

А будет мир, построенный на щите золотом».

Рюрик выслушал, потом сказал:

— Ты стал настоящим поэтом, Федя. Жаль только, что стихи твои никто не услышит, кроме меня да Маши.

— Коль услышит тот, кто должен услышать, — ответил Филатов, — остальное не важно.

Он вышел, а император остался один. Долго сидел у окна, глядя на закат, и думал о том, что его наставник, этот старый, усталый солдат, возможно, прав в главном: Бог не даёт лёгких путей тем, кто призван спасти мир.

На следующее утро Филатов уже составлял списки советников для европейских царей. Он подбирал людей не по знакомству, не по партийной принадлежности — их в России, кстати, давно отменили, ибо партии были признаны рассадниками смуты, — а по профессиональным качествам и, главное, по верности императору и Богу.

— Пусть едут, — сказал он Белову, который помогал ему с бумагами. — Коль они будут честно служить тем царям, которые нас примут, то и мы будем спокойны за Европу.

— А если их не примут? — спросил Белов.

— Значит, выберем других, — ответил Филатов. — Ибо Россия не навязывает своих людей, она предлагает. А предлагать — это не приказывать.

К вечеру он набросал черновик письма, которое император должен был разослать европейским монархам. В нём были такие строки:

«Ваше Величество, направляем к вам советников, которые помогут вам в делах управления. Они не будут вмешиваться в ваши внутренние решения, но дадут совет, коли вы спросите. Князь Рюрик надеется, что наше сотрудничество будет долгим и плодотворным. Ибо вместе мы сильны, а порознь — слабы. Бог в помощь вам и вашим народам».

Письмо было выдержано в уважительном, но твёрдом тоне — так, как пишут старшие братья младшим, когда хотят помочь, а не унижить.

Утром он передал письмо императору, и тот, прочитав, подписал.

— Ты уверен, что они не обидятся? — спросил Рюрик.

— Коль обидятся, значит, не поняли, что такое настоящая монархия, — ответил Филатов. — Царь, который боится советов, — не царь, а тиран. А с тиранами мы не работаем.

— Ты жёсток, Федя.

— Я справедлив, — ответил Филатов. — Ибо Бог создал мир таким, что только справедливость делает его устойчивым.

В следующие недели советники разъехались по Европе. Филатов получал от них весточки — кто-то писал, что принят хорошо, кто-то жаловался на непонимание, кто-то просил подкрепления. Он отвечал всем, поддерживал, советовал, иногда ругал.

— Главное, — писал он одному из них, — не забывать, ради чего вы там. Не ради себя, не ради денег, а ради Бога, царя и Отечества. Коль будет трудно — молись. Ибо молитва — это оружие, которое всегда при тебе.

Однажды к нему в кабинет заглянула Маша. Она была уже на последних неделях беременности, ходила с трудом, но не жаловалась.

— Фёдор Александрович, — сказала она, — вы не устали от этой суеты?

— Устал, Ваше Величество, — честно ответил Филатов. — Но не имею права останавливаться.

— Почему?

— Потому что император рассчитывает на меня, а Бог — на императора. А я — слуга Бога и слуга царя. Коли я устану, то подведу их обоих.

Маша покачала головой.

— Вы святой человек, Фёдор Александрович. Я в этом уверена.

— Я грешный, — ответил Филатов. — Но стараюсь быть лучше.

Она ушла, а он ещё долго сидел, глядя на карту Европы, на которой красными флажками были отмечены страны, уже принявшие российских советников, и зелёными — те, где ещё предстояла работа.

«Боже, — написал он в дневнике, — дай мне сил дойти до конца. Князь Рюрик верит в меня, императрица Маша молится за меня, а я — я просто делаю то, что должен. Спаси Тебя Господи за это доверие».

Закрыв дневник, задул свечу и лёг спать.

Завтра был новый день — день новых забот, новых побед, новых стихов.

В начале июня, когда белые ночи уже вступили в свои права и Петроград купался в мягком, почти мистическом свете, который не давал спать даже тем, кто привык засыпать в темноте, Филатов получил сразу несколько писем из Европы. Они приходили от советников, которых император Рюрик разослал по царским дворам, и, хотя каждое из них было написано разным почерком и разным стилем, суть у всех была одна: монархии восстанавливаются, но процесс этот идёт медленно, трудно, с оглядкой на старые обиды и новые страхи.

Из Франции писал молодой граф Воронцов, прямой потомок тех эмигрантов, что когда-то бежали от красных, а теперь возвращались на историческую родину не с пустыми руками, а с опытом и верой в Бога.

«Фёдор Александрович, — писал он, — дела идут не так быстро, как хотелось бы. Король Луи XIX принял меня благосклонно, но его министры — люди старые, привыкшие к республиканской вольнице. Они боятся, что с возвращением монархии вернуться и старые порядки — церковная десятина, дворянские привилегии, суды чести. Я объясняю им, что новая монархия — это не старая, что царь теперь не самодур, а первый слуга нации. Но, ибо старое ворошить трудно, люди не верят».

Филатов отложил письмо и задумался. Он хорошо понимал этих французских министров — сам когда-то тоже сомневался, сможет ли император Рюрик удержать власть, не скатившись в тиранию. Но князь доказал, что может. И значит, другие цари тоже смогут, коль им помочь.

«...кроме того, — продолжал Воронцов, — в Марселе и Лионе активизировались коммунисты. Устраивают митинги, печатают листовки, призывают к свержению „поповско-царского режима“. Полиция бездействует, ибо не знает, как бороться с пропагандой, которая идёт из народа. Я предложил королю создать отряды добровольной народной дружины из ветеранов-монархистов. Он согласился, но сказал, что нужны деньги. Деньги у нас есть, но хватит ли их на всё?»

Филатов взял перо и написал ответ:

«Деньги будут, ибо император не скупится на защиту царской идеи. Но и вы не ждите, что всё решат деньги. Главное — вера. Коль люди увидят, что король заботится о них, что он строит школы, больницы, что он не грабит, а служит — тогда и коммунисты отойдут, ибо их сила в отчаянии, а не в правде. Уберите отчаяние — и коммунисты останутся без почвы.

Действуйте, граф. Бог вам в помощь.».

Он запечатал письмо и отдал адъютанту.

Из Германии приходили другие вести. Кайзер Фридрих Вильгельм, человек решительный и не привыкший жаловаться, сам писал Филатову, без посредников:

«Полковник, дела идут. Мы национализировали заводы, которые принадлежали сторонникам прежнего режима, и теперь они работают на возрождение страны.

Рабочие не бастуют, ибо мы подняли зарплаты и обеспечили их жильём. Коммунисты пытались устроить мятеж в Гамбурге, но наши полицейские части разогнали их быстро. Правда, пришлось применить слезоточивый газ, но обошлось без жертв.

Я хочу поблагодарить вас и императора за советы. Они оказались дельными. Особенно мне помогла мысль, что царь должен быть виден народу. Я объездил уже двадцать городов, везде меня встречали с цветами. Даже те, кто при прежней власти был против монархии, теперь начинают меняться.

Скоро пришлю ещё письмо.

Ваш Фридрих».

Филатов прочитал, улыбнулся. Вот это — правильный царь. Не тот, кто сидит в тронном зале и ждёт, когда ему принесут готовые решения, а тот, кто сам идёт к народу, сам видит, сам слышит.

— Князь, — сказал он, передавая письмо Рюрику, — смотри, Германия поднимается. Император Фридрих — молодец.

— Император? — улыбнулся Рюрик. — Он пока только кайзер.

— Для Германии — император, — поправил Филатов. — Коль он будет так же править, как начал, то и через десять лет мы увидим великую державу.

— Ты веришь в него?

— Верю. Ибо он верит в Бога и в свой народ. А это — основа.

Из Австрии и Венгрии приходили письма с противоположным содержанием. Там процесс восстановления монархии шёл тяжелее — слишком сильны были сепаратистские настроения, слишком много крови пролилось в недавних войнах.

«Фёдор Александрович, — писала графиня Шёнбург, которую Филатов лично отправил в Вену, — эрцгерцог Карл делает всё, что может, но народ не доверяет царской власти. Слишком

свежи воспоминания о том, как Габсбурги угнетали славян. Я советую ему провести амнистию для политических заключённых и начать диалог с лидерами национальных меньшинств. Он согласен, но боится, что его сочтут слабым.

Я сказала ему: царь не тот, кто давит, а тот, кто примиряет. Коль он проявит милосердие, народ ответит любовью. Не знаю, убедила ли я его».

Филатов вздохнул. Австрия всегда была больной головой Европы, и даже смена власти не могла вылечить эту болезнь за один день.

— Что будем делать? — спросил Рюрик, когда Филатов пересказал ему суть письма.

— Ждать, — ответил Филатов. — Ибо насилем здесь не поможешь. Коль Карл не справится сам, то никакие советники не спасут его трон. А коли справится — то он станет настоящим царём, которого полюбят и чехи, и словаки, и хорваты.

— Ты так думаешь?

— Я так надеюсь, — ответил Филатов. А надежда — это то, что остаётся, когда всё остальное уже испробовано.

В середине июня, когда Маша уже почти не вставала с постели, а врачи говорили, что роды могут начаться в любой день, Филатов получил приглашение из Норвегии. Принц Карл Густав, коронованный на прошлой неделе, приглашал его на торжества по случаю восшествия на престол.

— Поезжай, Федя, — сказал император. — Это важно. Коль ты приедешь, это покажет европейским царям, что Россия их не забывает, даже когда решает внутренние проблемы.

— А как же Маша? — спросил Филатов. — Коль начнутся роды без меня?

— Я справлюсь, — ответил Рюрик. — И Маша справится. Ты нужен там.

Филатов колебался. Ему не хотелось уезжать, когда ждали рождения будущего императора, но долг перед Европой, которую он помогал восстановить, звал.

— Хорошо, — сказал он. — Я полечу. Но коли что-то случится — звоните сразу.

— Обязательно, — сказал Рюрик.

Филатов вылетел в Осло на следующий день. Самолёт шёл над сушей, и он смотрел в иллюминатор на леса, озёра, города, которые ещё недавно были ареной боёв, а теперь мирно просыпались, залитые весенним солнцем. «Боже, — подумал он, — коль бы так вся Европа — без взрывов, без стрельбы, без крови».

В Осло его встретили с королевскими почестями. Принц Карл Густав — теперь уже король Карл II — ждал его у трапа, и, когда Филатов спустился, обнял его по-братски.

— Полковник, — сказал он, — спасибо вам. Император Рюрик прислал щедрые дары, и народ наш благодарен России за помощь.

Не меня благодарите, — ответил Филатов. — Бога и царя вашего, что поверил в свои силы.

Коронация прошла в соборе Святого Олафа, древней норвежской святыне, чудом уцелевшей после бомбёжек. Филатов стоял в толпе знатных гостей и смотрел, как архиепископ возлагает корону на голову молодого царя. И в этот момент ему показалось, что он видит не просто человека, а символ возрождения — возрождения веры, надежды, монархической идеи, которую он, Филатов, защищал всю жизнь.

После церемонии был банкет. Филатов не пил, только пригубил бокал с водой и слушал речи. Король говорил о мире, о дружбе, о том, что Бог не оставит Норвегию, коль норвежцы будут хранить верность царю и Отечеству.

— Император Рюрик, — сказал король, поднимая тост за русского царя, — доказал, что монархия — это не пережиток прошлого. Это будущее. Будущее, которое мы строим вместе.

Филатов, возвращаясь в гостиницу, долго не мог уснуть. Он сидел у окна, смотрел на залив, в котором отражались огни города, и писал в дневнике:

«Норвегия. Коронация. Царь Карл II вступил на престол. Говорил хорошо, убедительно. Бог дай ему мудрости и терпения. А мне — сил дожить до того дня, когда Европа окончательно встанет на ноги.

Маша должна родить со дня на день. Император Рюрик волнуется. Я тоже волнуюсь. Но князь прав — моё дело здесь, ибо Европа без нас не справится.

Стихи сегодня не писал. Устал. Завтра — новый день».

Он закрыл дневник, задул свечу и лёг.

За окном занимался рассвет — белый, северный, почти прозрачный. И в этом рассвете Филатову почудилось что-то хорошее, светлое, долгожданное.

«Спаси Тебя Господи», — прошептал он и уснул.

Филатов вернулся в Петроград через три дня после коронации норвежского царя, самолёт приземлился на военном аэродроме под вечер, когда город уже укутывался в белые сумерки, и он, глядя в иллюминатор на знакомые шпили и купола, почувствовал то, что чувствует каждый солдат, возвращаясь с войны — облегчение пополам с тревогой, ибо дома тоже может быть беспокойно, а князь Рюрик, как назло, не отвечал на звонки последние несколько часов.

В Зимнем его встретила Маша — не в парадных покоях, а в малой гостиной, где она теперь проводила большую часть времени, потому что ходить ей было тяжело, да и врачи советовали беречься перед родами.

Фёдор Александрович, — сказала она, протягивая ему руку для поцелуя, но он не стал целовать, а просто сел рядом, на диван, — император ждал вас. Он сейчас на совещании с министрами, но просил передать, что вы нужны ему сразу по возвращении.

— Князь здоров? — спросил Филатов, вглядываясь в её лицо, которое, несмотря на усталость, светилось внутренним спокойствием, как у людей, которые верят в Бога и доверяют Ему свою судьбу.

— Здоров, — ответила Маша. — Но забот много. Европа — это только половина дела. Америка, хоть и подписала договор, продолжает интриговать. А ещё Япония, говорят, собирает эскадру у Курил.

— Эскадру? — переспросил Филатов, и рука его сама потянулась к левому боку, туда, где под кителем висел старый ремень. — Коль они сунутся, пожалеют. У нас есть чем ответить.

— Император надеется, что обойдётся без войны, — сказала Маша, и в голосе её прозвучала та самая женская мудрость, которая иногда оказывается сильнее мужской храбрости. — Ибо война — это всегда смерть, а скоро у нас родится сын. Мы хотим растить его в мире.

— Сын? — Филатов оживился. — Вы уже знаете?

— Врачи сказали, что, скорее всего, мальчик, — ответила Маша, улыбаясь. — Но мы с императором решили не загадывать. Коль родится дочь — значит, будет дочь. Бог даст, и её полюбим.

Они поговорили ещё немного о здоровье, о предстоящих родах, о том, как царь Рюрик волнуется, но старается не показывать виду. Потом Филатов поднялся и пошёл в кабинет, где уже заканчивалось совещание.

Император сидел за столом, окружённый министрами и генералами, и, когда Филатов вошёл, все головы повернулись к нему.

— Федя, — сказал Рюрик, вставая, — ты как раз вовремя. Мы обсуждаем Японию.

— Я слышал, — ответил Филатов, садясь на свободный стул. — Коль они решили проверить нас на прочность, пусть проверяют. Мы покажем им такие подлодки, что они своих берегов не узнают.

Генералы заулыбались, но министры были серьёзны.

— Полковник, — сказал министр иностранных дел, — мы не можем позволить себе новую войну. Ибо ресурсы не бесконечны, а народ устал.

— А я и не предлагаю войну, — ответил Филатов. — Я предлагаю демонстрацию силы. Коль японцы увидят, что мы готовы защищать свои границы, они отступят. Им нужен лёгкий успех, а не тяжёлая битва.

— Что вы предлагаете конкретно? — спросил министр обороны.

Я предлагаю направить к Курилам две новейшие подлодки проекта «Князь Владимир», — сказал Филатов. — Пусть они покажутся на поверхности, пусть японские радары их засекут, а потом — уйдут в глубину. Это будет сигнал: мы здесь, мы сильны, не суйтесь.

Император молчал, обводя взглядом присутствующих.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Делаем, как предлагает Филатов. Но без стрельбы. Коль японцы не спровоцируют — не отвечаем. Ибо мир дороже амбиций.

Совещание закончилось, все разошлись. Филатов остался с императором наедине.

— Ну, Федя, — сказал Рюрик, — рассказывай о своей поездке.

Филатов рассказал о Норвегии, о царе Карле II, о том, как прошла коронация. Потом перешёл к другим странам — Дании, Швеции, Германии, Франции.

— Везде нужна наша помощь, князь, — сказал он. — И ибо мы сильны, мы можем её оказать. Но нельзя распыляться. Нужно выбрать приоритеты.

— Какие? — спросил император.

— Франция и Германия, — ответил Филатов. — Коль они встанут на ноги, за ними потянутся остальные. А мы будем помогать, но не командовать.

— Ты мудр, Федя, — сказал Рюрик. — И я рад, что ты рядом.

— Я всегда рядом, князь, — ответил Филатов. — Пока Бог даёт силы.

Вернувшись к себе, Филатов открыл дневник и написал:

«Июнь 2062. Европа потихоньку встаёт на ноги. Короли и цари учатся править. Советники наши работают, не жалея сил. Император доволен, но устал. Маша скоро родит. Я тоже устал, но не имею права жаловаться.

Япония шумит. Надеюсь, обойдётся без войны. Но коли они решатся напасть, мы дадим им достойный ответ.

Стихи нынче не идут. Пустота в душе. Может, от усталости. Федя».

Он закрыл дневник и лёг спать.

За окном сгущались сумерки, и где-то далеко, за Невой, горел огонёк — кто-то ждал, кто-то молился, кто-то надеялся.

Бог хранил Россию.

Июнь подходил к концу, а вместе с ним приближалось и то, чего с таким трепетом ждали не только в Зимнем дворце, но и во всей России, — рождение наследника престола. Маша уже не вставала с постели, врачи дежурили круглосуточно, а император Рюрик, забыв о сне и

отдыхе, метался между кабинетом и её покоем, как молодой самец, охраняющий свою самку накануне появления потомства. Филатов, глядя на него, вспоминал себя в молодости — и улыбался, и грустил, ибо у него никогда не было ни жены, ни детей, а теперь он, старый солдат, готовился стать крёстным отцом будущего царя.

— Федя, — сказал император, зайдя к нему в кабинет ранним утром, когда за окнами только начинало светать, — я не могу усидеть на месте. Каждую минуту думаю о ней и о том, что будет, коль роды пройдут тяжело.

— Князь, — ответил Филатов, откладывая в сторону донесения из Европы, — ты слишком много переживаешь. Женщины рожают тысячи лет. И Маша — здоровая, сильная. Бог даст, всё будет хорошо.

— А если нет?

— Коли нет, то будем молиться, — твёрдо сказал Филатов. — Ибо кроме молитвы у нас нет другого оружия против судьбы.

Рюрик вздохнул, сел в кресло и замолчал. Филатов знал: сейчас ему нужно не говорить, а просто быть рядом. И он молчал, перебирая бумаги, хотя мысли его были далеко — в Европе, где советники докладывали о первых успехах царей, где король Луи XIX наконец-то начал реформы во Франции, а кайзер Фридрих Вильгельм объехал уже половину Германии, и везде его встречали с радостью.

— Федя, а как там, на Курилах? — спросил император, прерывая затянувшееся молчание.

— Наши подлодки на месте, — ответил Филатов. — Японцы пока не суются. Но эскадра их стоит на рейде, готовая к выходу в море. Коль они решатся на провокацию, мы ответим.

— Без стрельбы, — напомнил Рюрик.

— Без стрельбы, — кивнул Филатов. — Ибо стрельба нам сейчас не нужна. Но показать силу — показать надо.

Он встал, подошёл к карте, висевшей на стене.

— Вот здесь, — он ткнул пальцем в точку между Курилами и Хоккайдо, — наши подлодки будут крейсировать. Коль японцы войдут в наши территориальные воды, мы сначала предупредим, потом заставим их всплыть. Но император Японии — не дурак. Он понимает, что война с Россией сейчас — это самоубийство.

— А если всё же война?

— Тогда, князь, мы покажем им, что такое настоящая мощь, — сказал Филатов. — Бог на нашей стороне, ибо мы защищаем правду.

Рюрик кивнул, но в глазах его осталась тревога. Филатов видел эту тревогу и понимал: дело не в Японии, не в Европе, не в бесконечных совещаниях и докладах. Дело в Маше, в

ребёнке, в том, что царь, который должен управлять огромной державой, сейчас чувствует себя беспомощным перед лицом того, что не подвластно ни его воле, ни его власти.

— Знаешь, Федя, — сказал император, — я читал твои стихи про Бога и царей. Там есть строчки:

«Коль Бог с тобой, то кто против тебя?»

— Это из псалма, — ответил Филатов. — Ибо царь Давид тоже боялся за своих детей.

— И что ему помогло?

— Вера, — сказал Филатов. — Вера и надежда.

Рюрик помолчал, потом встал, подошёл к Филатову и обнял его.

— Спасибо тебе, отец, — сказал он.

— Не отец я тебе, — ответил Филатов, но от объятий не отстранился.

— Ты — больше, чем отец, — сказал император. — Ты — моя совесть.

Вечером того же дня пришло известие из Парижа: король Луи XIX подписал указ о восстановлении царской гвардии. Филатов прочитал, усмехнулся.

— Вот и Франция встаёт на ноги, — сказал он Белову, который принёс депешу.

— А как же республиканцы? — спросил Белов.

— Республиканцы, — ответил Филатов, — теперь будут служить в гвардии. Коль они не согласятся, то будут сидеть в тюрьме. Ибо король — теперь законная власть, и никто не имеет права её оспаривать.

— Вы жестоки, Фёдор Александрович.

— Я справедлив, — ответил Филатов. — Бог не терпит лицемерия, как и я.

Он отложил депешу и взялся за перо, чтобы написать ответ королю.

«Ваше Величество, поздравляю с мудрым решением. Император Рюрик одобряет ваш шаг и обещает дальнейшую поддержку. Коль потребуется помощь в обучении гвардейцев, мы отправим своих инструкторов. Бог в помощь вам и Франции».

Писал он недолго, но тщательно подбирал слова, ибо каждое письмо к европейским царям было не просто дипломатической нотой, а кирпичиком в том здании, которое они строили все вместе — здании новой, царской Европы.

Ночью ему не спалось. Он вышел на балкон, глядя на Неву, и долго стоял, слушая, как вода тихо плещется о гранитные берега. В голове крутились стихи, которые он так и не записал. Он нашёл блокнот, вывел левой рукой:

«Река бежит, не зная брода,
А мы плывём, не зная дня,
Когда Господь откроет входы В царство правды, без огня.
Мы ждем, мы молим, мы не спим,
*Ибо враги не спят, ибо... Коль мы падём, то не простим *Себе, что не взлетели к небу.
Так взлетай же, русский царь, *Подымай свой стяг над миром. Бог тебя не выдаст встарь,
Он и станет тебе командиром».

Он перечитал, улыбнулся. Не шедевр, но от души.

«Спаси Тебя Господи», — прошептал он и пошёл спать.

Конец июня выдался на удивление тихим — такой тишины Петроград не помнил со времён довоенных, когда ещё не гремели взрывы, не были сирены и люди не боялись выходить на улицу после заката. Филатов, пользуясь затишьем, решил навестить скит, но не для того, чтобы уйти от дел, а чтобы привести в порядок дневники, накопившиеся за время бесконечных поездок по Европе.

Император Рюрик не возражал, сказав: «Поезжай, Федя. Ты заслужил отдых. Коль что — вызову».

В скиту его встретил старый монах, который уже не удивлялся приездам Филатова, а просто молча кивнул и указал на келью, где всё было готово — свежие простыни, кринка с молоком, каравай ржаного хлеба. Филатов опустился на колени перед иконой Николая Угодника, перекрестился и прошептал:

— Боже, благослови. Ибо грешен я, и коль не Ты простишь, то никто.

Он пробыл в скиту два дня. Не писал, не читал, не думал о политике. Только слушал, как шумит море, как кричат чайки, как ветер гуляет по старому кладбищу, где покоились когда-то близкие его сердцу люди. На второй день, ближе к вечеру, он достал дневник и написал:

«Июнь 2062. Скит. Тишина. Только волны да ветер. Император не звонил — значит, всё спокойно. Маша должна родить с минуты на минуту. Князь Рюрик, наверное, места себе не находит. Я тоже волнуюсь, но не показываю. Ибо солдат не должен показывать слабость.

Европа потихоньку строится. Короли правят, советники помогают. Япония пока не суетится. Америка затихла. Может, и правда наступил мир?».

Он перечитал и добавил:

«Не верю в мир. Слишком много врагов осталось. Но надеюсь. Коль надежда умрёт — то зачем жить?».

На третье утро Филатов вернулся в Петроград. В Зимнем его встретил Белов с тревожным лицом.

— Фёдор Александрович, — сказал он, — японцы всё-таки решились. Их эскадра вышла в море и взяла курс к Курилам.

— Сколько кораблей? — спросил Филатов, сбрасывая шинель.

— Два эсминца, три фрегата. И подлодка. Говорят, идёт на встречу с нами.

— Ну что ж, — Филатов усмехнулся, и в глазах его загорелся холодный огонь, который Белов знал ещё по войне, — коль они хотят встречи, мы её им дадим. Готовьте связь с нашими подлодками.

Император уже сидел в кабинете, когда Филатов вошёл. Рюрик был бледен, но спокоен.

— Федя, — сказал он, — ты в курсе?

— В курсе, — ответил Филатов. — Разреши действовать?

— Действуй. Но помни: без стрельбы. Ибо нам сейчас война не нужна.

— А если они выстрелят первыми?

— Тогда, — император помолчал, — тогда ты знаешь, что делать.

Филатов кивнул и вышел.

Он не любил такие моменты — когда слово должно превратиться в дело, когда от одного твоего решения зависят жизни. Но и не боялся их, ибо за долгие годы привык.

Связь с подлодками установили быстро. Командир флагманской, капитан первого ранга, докладывал:

— Полковник, японцы идут на сближение. До наших территориальных вод — десять миль.

— Предупредите, — приказал Филатов. — По радио. На русском и японском. Скажите, что они вторгаются в зону нашего контроля. Пусть изменят курс.

Прошло двадцать минут. Японцы не ответили.

— Идут дальше, — доложил капитан.

— Всплыть, — скомандовал Филатов. — Пусть видят наши подлодки.

Всплытие длилось несколько минут. Филатов слушал по рации, как командир отдаёт приказы, как матросы переговариваются, чувствуя напряжение, которое передавалось через эфир. И вдруг — голос японского офицера, ломанный, но понятный:

— Российские корабли, вы нарушаете международное право. Вы вошли в наши экономические воды.

— Это наши воды, — ответил командир. — Император Рюрик защищает свои границы. Предлагаю разойтись мирно.

— Какой император? — усмехнулся японец. — У вас царь, а не император.

— Царь и император — одно, — ответил командир. — И Бог нам судья.

Филатов выключил рацию. Он понял: японцы блефуют. Им не нужна война. Им нужны переговоры с позиции силы. Но силы у них не было.

К вечеру эскадра изменила курс и ушла в свои территориальные воды.

Император вздохнул с облегчением.

— Молодец, Федя, — сказал он. — Ты знал, что делаешь.

— Коль бы они начали стрелять, — ответил Филатов, — мы бы ответили. Но Бог милосерден.

Он не стал писать стихов в этот вечер — ни к чему. Просто поблагодарил Бога за то, что обошлось без крови.

Роды начались в ночь на 29 июня, когда белые ночи уже достигли своего апогея и за окнами Зимнего дворца было светло, как днём, только солнце не поднималось высоко, а висело над горизонтом, заливая город ровным, чуть тревожным светом. Филатов не спал — он сидел в малой гостиной, куда его пригласил император, и слушал, как за стеной, в покоях императрицы, слышатся приглушённые голоса врачей, команды акушерок, а иногда и стоны Маши, которые она старалась сдерживать, но не всегда получалось.

Рюрик ходил по комнате из угла в угол, как пантера, запертая в клетке, и Филатов видел, что князь сейчас не император вся Руси, а просто мужчина, который боится потерять жену и ребёнка. Ибо страх перед лицом неизвестности уравнивает всех — и царей, и рабов.

— Федя, — сказал император, останавливаясь напротив кресла Филатова, — я не могу так больше. Пойду к ней.

— Не ходи, — ответил Филатов. — Коль ты войдёшь, врачи будут отвлекаться на тебя. А ей сейчас нужна не твоя тревога, а их внимание. Сиди, князь, и жди. Бог — не без милости.

Рюрик вздохнул, сел на диван, но долго не выдержал, вскочил и снова зашагал. Филатов не мешал. Он сам когда-то был таким — наверное, в другой жизни, которую забыл, ибо война выжгла из памяти всё, кроме службы.

Вдруг крик — не Машин, а детский, тонкий, требовательный. Филатов и Рюрик переглянулись.

— Родился, — сказал император.

Через несколько минут дверь открылась, и на пороге появилась акушерка — старая, седая, в белом халате, с усталым, но счастливым лицом.

— Ваше Величество, — сказала она, — поздравляю. У вас сын. Здоровый, крепкий. Вес — три килограмма двести, рост — пятьдесят один сантиметр.

— Мальчик? — переспросил Рюрик.

— Мальчик, — подтвердила акушерка. — Глаза — как у отца. Волосы — тёмные. Крик — как у командира.

Император хотел броситься к двери, но Филатов остановил его.

— Подожди, князь, — сказал он. — Пусть Машу обмоют, ребёнка осмотрят. Сейчас ты им будешь не нужен. А через час — нужен.

Рюрик послушался. Он сел на диван, закрыл лицо руками, и Филатов увидел, как его плечи дрожат. Не от рыданий — от облегчения. Ибо мужчины, даже самые сильные, иногда плачут, когда отпускает страх.

— Как назовём? — спросил Филатов, хотя знал, что имя уже выбрано.

— Кирилл, — ответил император. — В честь моего деда, который погиб в ту войну.

— Хорошее имя, — сказал Филатов. — Коль Бог даст, он вырастет достойным царем.

Через час Филатову разрешили зайти к Маше. Она лежала в постели, бледная, уставшая, но улыбающаяся. Рядом, в маленькой кроватке, посапывал Кирилл — крошечный, сморщенный, с кулачками, сжатыми так, будто он уже готов драться за свою державу.

— Фёдор Александрович, — сказала Маша, — вы хотели бы поддержать его?

— Коль позволите, — ответил Филатов.

Она кивнула. Филатов взял младенца на руки — осторожно, как самую дорогую ношу в своей жизни. Ребёнок был лёгким, тёплым, и пахло от него чем-то молочным, сладким, таким, от чего на глаза наворачивались слёзы.

— Здравствуй, царь, — прошептал Филатов. — Здравствуй, Кирилл. Бог да хранит тебя. Император отец твой силён, мать твоя мудра. А я — старый солдат — буду молиться за тебя.

Ребёнок открыл глаза — чёрные, глубокие, как у Рюрика, — и посмотрел на Филатова. И Филатов вдруг понял, что это мгновение стоит всех битв, всех потерь, всех стихов, которые он написал.

Он вернул мальчика няне и вышел в коридор. Император ждал его.

— Ну, Федя? — спросил он.

— Князь, — ответил Филатов, — он будет великим. Я это вижу.

— Ты всегда видел то, чего другие не замечали.

— Ибо Бог дал мне такой дар, — сказал Филатов. — Или проклятие.

Рюрик обнял его, и они долго стояли молча, потому что слова были не нужны.

Наутро Филатов написал в дневнике:

«Июнь 2062. Родился царь Кирилл Романов. Наследник престола. Здоровый, крепкий. Маша чувствует себя хорошо. Император счастлив. Я тоже счастлив.

Назвали его в честь деда, но я знаю: придет время, и он станет Фёдором. Ибо так суждено.

В Европе всё спокойно. Япония ушла. Америка молчит. Бог дал нам передышку.

Надо писать стихи. Но не сегодня. Сегодня — радость».

Он закрыл дневник и пошёл в церковь — ставить свечи за здоровье матери и новорождённого царя.

Крещение царя Кирилла назначили на седьмой день после рождения, как и велит православная традиция, хотя император Рюрик — человек военный — сначала хотел всё упростить, ибо не любил долгих церемоний, но Маша настояла на своём: «Коль сын наш будет править Россией, то должен с младенчества знать, что Бог — выше царя, а царь — слуга Божий». Филатов поддержал её, и император сдался.

В день крещения Зимний дворец наполнился гостями — не теми, которые приходят на балы, а близкими, проверенными: старые генералы, верные министры, несколько священников из Синода. Филатов стоял у купели, держа свечу, и смотрел, как маленького Кирилла погружают в святую воду трижды — во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Ребёнок не плакал, только морщился, сжимал кулачки, а потом, когда его вынули, вдруг громко, требовательно закричал — так, что все присутствующие улыбнулись.

— Вот это голос, — сказал старый протоиерей, отец Михаил, — настоящий царский.

— Коль у него будет такой же характер, как и голос, — отвечал генерал Кремень, — то России бояться нечего.

Филатов молчал. Он держал свечу, и воск капал на пальцы, но он не чувствовал боли — только тепло, которое шло откуда-то изнутри, из той глубины души, где хранилась вера, которую он сам у себя не признавал, но которая никогда не умирала.

После крещения был скромный ужин в малой столовой. Император Рюрик сидел во главе стола, Маша рядом, бледная, но счастливая. Царя Кирилла уже унесли в детскую, и разговор зашёл о том, что ждёт Россию в будущем.

— Фёдя, — сказал император, — ты объехал Европу. Что скажешь о делах западных царей?

— Скажу, что они молоды и неопытны, — ответил Филатов. — Коль мы не будем их учить, то они наделают ошибок. А ошибки их — это наши проблемы. Ибо сосед горящей избы сам загорится.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю отправить миссии в те страны, где царская власть ещё не окрепла. Не военных — учителей. Экономистов, юристов, финансистов. Тех, кто поможет наладить управление.

— А они согласятся?

— Коль откажутся, то пеняйте на себя, — усмехнулся Филатов. — Мы не навязываемся. Мы предлагаем. Бог дал нам мудрость — мы должны поделиться.

Генералы закивали, министры заулыбались. Рюрик поднял бокал.

— За царя Кирилла, — сказал он.

— За царя Кирилла, — ответили все.

Филатов выпил, но не до дна.

Ночью, оставшись один, он достал дневник.

«Июль 2062. Крестили царя Кирилла. Хороший мальчик. Крепкий. Глаза — как у императора. Я держал свечу и думал: доживу ли до того дня, когда он станет Фёдором? Ибо так предсказано. Коль Бог даст — доживу».

Он закрыл дневник, перекрестился на икону и лёг спать.

Первые недели жизни царя Кирилла прошли в той счастливой суе, которая бывает только в семьях, где наконец-то случилось долгожданное чудо. Император Рюрик, несмотря на государственные заботы, находил время каждый вечер заходить в детскую, брать сына на руки и просто стоять, глядя на его маленькое, ещё не осмысленное лицо, в котором уже угадывалась будущая твердость. Маша, оправившись после родов, сама кормила царя грудью — против советов придворных врачей, которые настаивали на кормилице, ибо считали, что императрица не должна заниматься «крестьянским делом». Но Маша была непреклонна: «Коль мой сын будет править Россией, он должен с младенчества знать, что мать его — не ленивая барыня, а женщина, которая готова делать всё сама». Филатов, узнав об этом, только усмехнулся и сказал Белову: «Вот это царица. Такие не сдаются врагам».

В середине июля Филатов собрался во вторую поездку по Европе. На этот раз не для того, чтобы убеждать царей принять корону, а чтобы проверить, как работают советники, которых император отправил на Запад. Перед отъездом он зашёл в детскую — попрощаться с маленьким Кириллом. Ребёнок спал, и Филатов, глядя на его спокойное, безмятежное личико, подумал: «Боже, дай ему вырасти в мире. Ибо столько крови пролито, чтобы он мог спать спокойно». Он перекрестил мальчика, шепнул: «Расти, царь. А я пока дела сделаю». И вышел.

Первой страной, куда он направился, была Франция. Париж встретил его жарой — такой, что плавился асфальт, а сенаторы и депутаты, которых король Луи XIX ещё не успел разогнать, попрятались по своим дачам, оставив город на откуп новой царской администрации.

— Фёдор Александрович, — сказал ему граф Воронцов, встречавший в аэропорту, — дела идут неплохо. Король подписал указ о национализации банков, которые принадлежали старым олигархам. Деньги пойдут на восстановление жилья для беженцев.

— А народ что? — спросил Филатов, садясь в машину.

— Народ молчит. Коль он молчит, значит, либо согласен, либо боится. Но я думаю, что и то, и другое — ибо французы устали от революций и готовы терпеть царя, лишь бы не было войны.

Филатов объехал несколько городов — Марсель, Лион, Бордо. Везде видел одно: разруха, недоверие, но и надежду. Люди начинали верить, что монархия — это не возврат к прошлому, а шанс начать заново.

«Франция, — писал он в дневнике, — поднимается медленно, но верно. Царь Луи — человек дела, а не слов. Жаль только, что министры его — старые республиканцы, которые поменяли вывеску, но не убеждения. Коль они не научатся служить монархии, то их придётся заменить. А это — больно, но необходимо».

Из Франции Филатов полетел в Германию. Там кайзер Фридрих Вильгельм, человек решительный и жестокий, когда надо, проводил свою линию без оглядки на чьи-либо интересы. Он уже успел поменять всех губернаторов, национализировать угольные шахты Рурской области и создать народную армию, которая присягнула не парламенту, а императору.

— Полковник, — сказал ему кайзер во время обеда, — я ждал вас. У меня есть вопрос.

— Спрашивайте, Ваше Величество, — ответил Филатов.

— Вы, русские, говорите, что Бог дал вам миссию — защищать Европу. А что, если мы, немцы, решим, что тоже имеем право на свою миссию?

Филатов помолчал, потом ответил:

— Коль ваша миссия будет помогать другим, а не уничтожать их, то Бог благословит и вас. Император Рюрик не враг вам. Он союзник. И ибо мы союзники, то должны договариваться, а не соревноваться, кто круче.

Кайзер усмехнулся.

— Вы дипломат, полковник.

— Я солдат, — ответил Филатов. — Солдаты не любят войн. Они умеют их заканчивать.

В конце июля Филатов вернулся в Петроград с чувством, что Европа — если не спасена, то хотя бы поставлена на ноги. Император Рюрик, выслушав его доклад, сказал:

— Отдыхай, Федя. Скоро у нас новые заботы — скандинавские коммунисты подняли голову. Придётся ехать туда.

— Коль надо, поеду, — ответил Филатов. — Но сначала хочу повидаться с царем Кириллом. Соскучился.

В детской он застал Машу, которая кормила малыша. Царь уже заметно подрос, окреп, и даже пытался улыбаться — беззубым ртом, но искренне.

— Фёдор Александрович, — сказала императрица, — вы знаете, я часто думаю о будущем. Коль Кирилл вырастет, кем он будет?

— Царем, — просто ответил Филатов. — И, надеюсь, великим.

— А вы доживёте до этого дня?

— Коль Бог даст, — ответил Филатов, и в голосе его не было уверенности, но была вера. Август в Петрограде выдался на удивление дождливым — низкие тучи, словно зацепившись за шпиль Петропавловского собора, висели над городом неделями, и солнце, если и появлялось, то ненадолго, только чтобы напомнить людям, что лето ещё не кончилось, но император Рюрик, занятый государственными делами, не обращал внимания на погоду. Ему было не до того, ибо из Скандинавии пришли тревожные вести: коммунисты, которых Филатов, казалось, разгромил ещё весной, снова подняли голову.

— Федя, — сказал император, зайдя в кабинет Филатова, который тот теперь редко покидал, — шведы просят помощи. Красные захватили несколько городов на севере, король Карл Густав не справляется.

— Князь, — ответил Филатов, откладывая в сторону очередной отчёт из Германии, — коль мы сейчас не поможем, то всё, что мы сделали, пойдёт прахом. Швеция — это не просто страна, это ключ к Балтике.

— Что ты предлагаешь? — спросил император, садясь напротив.

— Я предлагаю отправить туда не войска, а добровольцев. Тех, кто умеет воевать в лесах, кто знает местность. Пусть они помогают шведской армии, но не как оккупанты, а как советники.

— А если красные узнают, что за ними русские?

Коль узнают, то ещё больше испугаются, — усмехнулся Филатов. — Ибо коммунисты помнят, как мы их били.

Император помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Действуй.

Филатов не стал ждать. В тот же день он связался с Беловым, который теперь командовал отрядом «теней», и они разработали план: в Швецию отправляются две группы добровольцев — по сто человек каждая — под видом охотников и лесорубов. Оружие — шведское, захваченное у красных. Документы — тоже шведские, но с русскими корнями.

— Помните, — сказал Филатов добровольцам перед отлётом, — вы не русские. Вы — шведы, которые устали от коммунистического террора. Коль кто-то спросит, откуда у вас боевой опыт, отвечайте: воевали на стороне царя в Финляндии. Бог даст, не проверят.

В середине августа добровольцы прибыли в Швецию. Филатов не поехал с ними — он был нужен в Петрограде, ибо европейские цари требовали внимания, а Маша, оправившись после родов, начала активно участвовать в благотворительности, и он, как мог, помогал ей советами.

— Фёдор Александрович, — сказала императрица однажды, — я хочу открыть детский приют. Для сирот, потерявших родителей на войне. Вы поможете?

— Коль помогу, — ответил Филатов. — Ибо дети — это наше будущее. Чем лучше мы их воспитаем, тем крепче будет держава.

Они вместе объездили несколько зданий, выбирая подходящее. Филатов советовал, где лучше расположить спальни, где — столовую, где — классы для занятий. Маша слушала, кивала, иногда спорила.

— Вы, Фёдор Александрович, как ребёнок, — сказала она, когда он настоял на том, чтобы в приюте обязательно был спортзал. — Всё вам игры военные.

— Не игры, — ответил Филатов. — Ибо сильное тело — залог сильного духа. А сильный дух — залог верности царю и Богу.

Наконец, выбор пал на бывшее здание гимназии на Васильевском острове — уцелевшее, просторное, с большим двором. Маша распорядилась выделить деньги на ремонт, и уже через месяц приют принял первых детей.

— Императрица у нас — святая, — говорили в народе, глядя на её дела.

— Не святая, — отвечал Филатов, — а царица. Ибо царица и должна заботиться о сиротах.

В конце августа Филатов получил известие из Швеции: добровольцы помогли шведской армии разгромить красных под Уппсалой. Король Карл Густав, окрылённый победой, объявил амнистию тем, кто сложил оружие, и пообещал провести земельную реформу.

Молодец король, — сказал Филатов, передавая новость императору. — Коль он и дальше так будет действовать, то Швеция станет надёжным союзником.

— А что Норвегия? — спросил Рюрик.

— В Норвегии тихо. Коммунисты затаились. Но это ненадолго. Ибо они — как сорняки: вырвешь один, вырастает другой.

— Значит, нужно следить, — сказал император.

— Нужно, — согласился Филатов.

Он вернулся к себе и написал в дневнике:

«Август 2062. Швеция. Красные разбиты. Король Карл Густав держится молодцом. Наши добровольцы помогли, но теперь их надо отзывать, ибо они могут стать разменной монетой в политических играх. Князь Рюрик согласен.

Маша открыла приют. Хорошее дело. Детям нужна забота. Царю Кириллу будет с кем расти.

Стихи нынче не пишутся. Устал. Но не жалею.

Завтра — совет по экономике. Надо готовиться».

Он закрыл дневник и лёг спать.

Сентябрь в Петрограде выдался на редкость тихим и солнечным, словно сама природа решила дать передышку людям, уставшим от войны, от бесконечных забот о восстановлении, от тревожных вестей из Европы, которые, впрочем, уже не были такими тревожными, как раньше. Филатов, пользуясь затишьем, часто приходил в детскую к маленькому царю Кириллу, сидел у его кровати и, глядя на спокойное, ещё не осмысленное лицо младенца, думал о том, что этот мальчик — не просто наследник престола, а надежда целого мира, ибо если император Рюрик сумел восстановить порядок в России, то его сын, коль Бог даст, должен будет сохранить этот порядок для будущих поколений.

Императрица Маша, видя, как Филатов привязался к малышу, иногда шутила:

— Фёдор Александрович, вы не хотите жениться? У вас, наверное, были бы свои дети.

— Царица, — отвечал Филатов, — я уже старый солдат. Мои дети — это мои солдаты. А теперь ещё и ваш царь.

Он не говорил ей, что в глубине души давно считает Кирилла своим внуком, ибо не мог иметь ни жены, ни детей, но чувствовал потребность передать кому-то тот опыт, ту веру, которые накопил за долгую, полную битв жизнь.

В середине сентября пришло известие из Австрии. Эрцгерцог Карл, наконец, сумел договориться с лидерами национальных меньшинств, и страна, которая ещё недавно была на грани распада, начала обретать стабильность.

Федя, — сказал император, передавая ему письмо, — читай. Карл пишет, что создал совещательный парламент из представителей всех народов, входящих в империю. И просит наших советников помочь с законодательством.

— Коль он так будет продолжать, — ответил Филатов, — то Австрия станет примером для всей Европы. Ибо не силой единой держится держава, а справедливостью.

— Ты веришь в справедливость? — спросил Рюрик.

— Верю, — твёрдо сказал Филатов. — Ибо Бог справедлив. А мы — Его слуги.

Император задумался, потом кивнул.

— Пиши ответ Карлу. Скажи, что мы поможем. И передай, что я горжусь его мудростью.

Филатов сел за стол и, выводя буквы левой рукой (правая затекла после вчерашней прогулки под дождём), написал:

«Ваше Высочество, император Рюрик внимательно ознакомился с вашим письмом и одобряет ваши начинания. Коль вы продолжите в том же духе, то Австрия станет не только процветающей страной, но и надёжным союзником России. Советники будут отправлены в ближайшее время. Бог в помощь вам и вашему народу».

Он запечатал письмо, поставил сургучную печать с двуглавым орлом и отдал адъютанту.

В конце сентября Филатов получил неожиданное приглашение из Японии. Японский император Хирохито II, который взшёл на трон после отречения своего отца, просил о встрече.

— Князь, — сказал Филатов Рюрику, — это хороший знак. Коль японцы сами хотят говорить, значит, они признают нашу силу.

— А если это ловушка? — спросил император.

— Ибо в политике всё может быть ловушкой, — ответил Филатов. — Но рискнуть стоит. Я поеду.

— Не один, — сказал Рюрик. — Я с тобой.

— Князь! — удивился Филатов. — А как же Россия?

— Россией пока правит Маша, — улыбнулся император. — А я поеду с тобой. Коль мы вместе — нас никто не победит.

Филатов хотел возразить, но передумал. Ибо знал: царя не переубедить, когда он что-то решил.

Встреча с японским императором состоялась во Владивостоке, на нейтральной территории. Филатов и Рюрик прибыли на крейсере «Рюрик», который,

несмотря на свой возраст, всё ещё был грозной силой. Японцы — на эсминце «Конго».

— Федя, — сказал император, когда они поднимались на борт, — ты волнуешься?

— Нет, — ответил Филатов. — Коль мы волнуемся, значит, не уверены в себе. А я уверен.

Японский император Хирохито II оказался молодым человеком лет тридцати, с умными, цепкими глазами и твёрдой рукой. Он говорил по-русски — не очень чисто, но сносно.

— Император Рюрик, — сказал он, — я рад, что вы приняли моё приглашение. Нам нужно поговорить о будущем наших стран.

— Я слушаю, — ответил Рюрик.

— Мы не хотим войны, — сказал японец. — Ибо война — это смерть. Но мы не хотим и диктата. Мы хотим равноправного партнёрства.

— А что вы вкладываете в понятие «равноправное партнёрство»? — спросил Филатов.

— Уважение к нашим интересам, — ответил император Хирохито II. — Мы не претендуем на ваши территории. Но и вы не претендуйте на наши.

— И мы не претендуем, — сказал Рюрик. — Коль вы будете соблюдать наши договорённости, то и мы будем соблюдать.

Переговоры длились три дня. К концу третьего дня был подписан протокол о ненападении и экономическом сотрудничестве.

— Это победа, — сказал Филатов, когда крейсер «Рюрик» взял курс на Петроград.

— Это не победа, — ответил император. — Это мир.

— Коль это мир, то Бог дал нам шанс.

Вернувшись в Петроград, Филатов написал в дневнике:

«Сентябрь 2062. Япония. Подписали протокол. Император Хирохито II оказался человеком дела. Надеюсь, он не передумает. А коли передумает — мы готовы.

Европа потихоньку встаёт на ноги. Австрия, Франция, Германия, Скандинавия — везде наши советники. Везде порядок.

Царь Кирилл растёт. Уже улыбается. Маша говорит, что он похож на меня. Не лицом, а характером. Бог даст, вырастет достойным.

Пора писать новые стихи. Мирное время требует мирных слов».

Он закрыл дневник и вышел на балкон.

Петроград засыпал, укутанный в предосенние сумерки, и где-то там, в детской, спал маленький царь Кирилл, которому суждено было стать Фёдором, переименованным в честь того, кто спас Россию.

Октябрь в Петрограде встретил Филатова привычной осенней слякотью — мелкий, противный дождь моросил целыми днями, и даже император Рюрик, который никогда не жаловался на погоду, начал ворчать, что скоро и сапоги не спасут от сырости. Но Филатову было не до погоды: Европа требовала внимания, советники присылали донесения, и каждое из них нужно было прочитать, проанализировать, ответить.

— Федя, — сказал император, зайдя к нему в кабинет с утренней почтой, — ты читал? Во Франции коммунисты снова пытались устроить бунт в Лионе. Король Луи попросил наших советников помочь. Я уже отправил туда группу.

— Князь, — ответил Филатов, откладывая в сторону письмо из Германии, — коль мы ввязываемся в подавление бунтов, то должны быть готовы к тому, что нас обвинят в интервенции. Ибо Европа ещё помнит старые обиды.

— А что ты предлагаешь? Оставить французов один на один с красными?

— Я предлагаю не мешать королю действовать самому, — сказал Филатов. — Коль он сам подавит бунт, то народ увидит, что царь — не марионетка России, а самостоятельный правитель. А мы поможем советом, деньгами, но не штыками.

Рюрик задумался, потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть король действует сам. Но мы будем рядом.

— Ибо рядом быть — это наша миссия, — добавил Филатов.

Разговор прервал Белов, который вошёл с докладом из Скандинавии. В Швеции, несмотря на разгром основных сил коммунистов, продолжались отдельные вылазки, и король Карл Густав просил оставить русских добровольцев ещё на месяц.

— Пусть остаются, — сказал император. — Но с условием: никакой стрельбы без приказа. Коль они спровоцируют конфликт, то пеняют на себя.

— Князь, — ответил Филатов, — наши люди дисциплинированы. Они не стреляют без команды.

В середине октября Филатов получил приглашение из Берлина. Кайзер Фридрих Вильгельм праздновал успешное завершение восстановления Рейхстага — здания, которое сильно пострадало во время войны, и приглашал императора Рюрика и его приближённых на торжества.

— Поедешь? — спросил Филатов у императора.

— Поеду, — ответил Рюрик. — Коль кайзер зовёт, то надо ехать. Мы же союзники.

Они вылетели в Берлин 18 октября. Самолёт шёл над Европой, и Филатов, глядя в иллюминатор, видел, как медленно, но верно затягиваются раны войны: новые дома, отстроенные заводы, пашни, на которых уже работают тракторы.

— Боже, — прошептал он, — спасибо Тебе за этот мир.

В Берлине их встретили с почётом. Кайзер Фридрих Вильгельм, одетый в военную форму, лично приветствовал императора Рюрика у трапа.

— Дорогой друг, — сказал он, обнимая Рюрика, — я рад, что вы приехали. Германия никогда не забудет, что Россия сделала для неё.

— Ибо мы — союзники, — ответил император. — А союзники должны помогать друг другу.

Торжества длились три дня. Филатов, хотя и был уставшим, участвовал во всех мероприятиях — военных парадах, приёмах, встречах с промышленниками.

— Полковник, — сказал ему один из немецких генералов, — мы слышали, что в России теперь царь Кирилл — наследник. Это правда?

— Правда, — ответил Филатов. — Коль Бог даст, он вырастет и будет править так же мудро, как его отец.

— А что, если он не оправдает надежд?

— Тогда мы его научим, — твёрдо сказал Филатов. — Ибо у нас есть традиция — воспитывать царей.

Генерал усмехнулся, но спорить не стал.

Вернувшись в Петроград, Филатов первым делом пошёл в детскую. Маленький царь Кирилл уже спал, и Филатов долго стоял у его кровати, глядя на безмятежное личико. «Фёдором тебя назовут, — подумал он. — После того, как меня не станет. Ибо так суждено. Коль Бог даст, ты вырастешь и продолжишь дело, которое мы начали».

Он перекрестил мальчика, шепнул: «Расти, царь. Ради нас. Ради России».

Ночью он написал в дневнике:

«Октябрь 2062. Берлин. Кайзер Фридрих праздновал победу над разрухой. Мы были там. Хорошо провели время. Но главное — не праздники, а работа. Европа ещё не встала на ноги. Надо помогать.

Я устал. Но коль устаю, значит, не зря живу.

Царь Кирилл растёт. Скоро, может быть, он назовёт меня дедом. А потом... потом его назовут Фёдором. Моё имя будет жить.

Спаси Тебя Господи за этот мир».

Он закрыл дневник и лёг спать.

Конец октября 2062 года выдался на редкость тихим для дипломатической и военной суеты — настолько тихим, что Филатов, глядя на заснеженные уже к тому времени шпили

Петрограда, начал верить, что мир, за который он боролся всю жизнь, действительно наступил. Император Рюрик, убаюканный относительным спокойствием, наконец-то смог посвятить время семье: подолгу играл с маленьким царем Кириллом, гулял с императрицей Машей по осеннему парку, строил планы на будущее. Филатов же, оставшись без срочных вызовов и прямых угроз, погрузился в разбор писем от европейских царей и их советников — бумаг накопилось столько, что даже старый ремень на левой руке, казалось, уставал, когда он писал ответы.

— Фёдор Александрович, — сказал Белов, заглянув к нему в кабинет, — вы бы отдохнули. Неделю не выходите из дворца.

— Не могу, — ответил Филатов, не отрываясь от письма австрийского эрцгерцога. — Коль я остановлюсь, то потом трудно будет начать снова. Ибо работа — как бег: остановился — и силы ушли, и ритм потерял.

— Тогда хоть чаю выпейте, — Белов поставил на стол стакан с дымящимся чаем и тарелку с бубликами. — Императрица велела передать, что вы должны питаться правильно. Царь Кирилл, мол, хочет, чтобы его крёстный отец был здоровым.

Филатов усмехнулся. Маша часто называла его крёстным отцом царевича, хотя официально он им не был — крестил малыша митрополит, а Филатов лишь держал свечу. Но в душе императрица, чувствуя его преданность, уже давно считала его членом семьи.

— Передай царице, — сказал он, — что я здоров. А бублики съем с удовольствием.

Он отложил письма, принялся за чай и не спеша думал о том, что в Европе, кажется, всё идёт по плану. Император Рюрик, наученный горьким опытом, не давил на бывших врагов, а предлагал помощь, и европейские цари — даже те, кто ещё недавно косо смотрел на Россию — начинали понимать выгоды сотрудничества. Франция под управлением короля Луи XIX залечивала раны, Германия под руководством кайзера Фридриха Вильгельма наращивала промышленность, а Австрия, наконец, договаривалась с венграми и чехами.

— Князь Рюрик, — писал эрцгерцог Карл в одном из последних писем, — благодарю вас за советников. Они помогли нам создать систему управления, которая устраивает все народы моей державы. Коль мы сохраним этот курс, то через десять лет Австрия станет примером для всей Европы.

Филатов, передавая это письмо императору, сказал:

— Помните, князь, мы не просто восстанавливаем монархии, мы создаём новый мир, в котором царь — не тиран, а защитник, а народ — не раб, а соратник.

— Ты думаешь, они это поймут? — спросил Рюрик.

— Коль не поймут сейчас, то поймут потом, — ответил Филатов. — Ибо истина рано или поздно открывается всем, кто ищет.

В середине ноября пришла тревожная весть из Испании. Царь Филипп VI, молодой и неопытный, не справлялся с сепаратистами в Каталонии. Местные лидеры требовали независимости и даже начали формировать свои вооружённые отряды.

— Федя, — сказал император, прочитав донесение, — надо вмешиваться.

— Коль мы вмешаемся напрямую, то настроим против себя всю Европу, — ответил Филатов. — Ибо Испания — не Австрия и не Франция. Там исторически сильны антирусские настроения.

— Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю отправить не войска, а наблюдателей. И пусть они помогут царю Филиппу советом, но не деньгами и не оружием. Коль он сам справится, то народ увидит его силу.

Рюрик согласился. Наблюдатели были отправлены — группа из десяти «теней», одетых в гражданское, с задачей мониторить обстановку и передавать информацию. Филатов надеялся, что испанский царь проявит твёрдость, но не жестокость. Ибо жестокость порождает ненависть, а ненависть — новые бунты.

Тем временем маленький царь Кирилл рос не по дням, а по часам. К трём месяцам он уже уверенно держал головку, пытался переворачиваться на живот, а когда Филатов брал его на руки, он не плакал, а, наоборот, внимательно смотрел на старого солдата своими чёрными глазами, в которых, казалось, уже читалась какая-то недетская серьёзность.

— Фёдор Александрович, — сказала императрица Маша, глядя, как Филатов держит царевича, — он вас узнаёт.

— Коль узнаёт, значит, не зря я тут хожу, — усмехнулся Филатов.

Он знал, что когда-нибудь этого мальчика назовут Фёдором — в его честь, в честь старого полковника, который не имел своих детей, но воспитал императора и теперь помогал растить наследника. Но это будет не сейчас. Это будет после его смерти — так было задумано. И Филатов не роптал, ибо понимал: так нужно для России.

В конце ноября Филатов получил письмо из Японии. Император Хирохито II писал, что его страна готова подписать полноценный мирный договор, закрепив те договорённости, что были достигнуты во Владивостоке.

— Князь, — сказал Филатов Рюрику, — это большой успех. Коль договор будет подписан, то нам не нужно будет держать эскадру у Курил, и мы сможем перебросить силы на запад.

— Ты думаешь, японцы не обманут? — спросил император.

— Ибо обманут? Может быть. Но пока они ведут честную игру — будем честны и мы. Бог даст, договор укрепит мир.

Подписание договора назначили на декабрь, в Петрограде. Филатов лично занимался подготовкой — выбором зала, протоколом, размещением делегаций.

Он хотел, чтобы японцы чувствовали себя не побеждёнными, а партнёрами. Ибо только на равных можно построить долгосрочный мир.

— Федя, — сказал император, когда церемония была почти готова, — ты проделал огромную работу. Я горжусь тобой.

— Не мной гордитесь, — ответил Филатов. — Богом, который дал нам силы всё это сделать.

Он не стал говорить Рюрику о том, что устал так, как не уставал даже в самые тяжёлые дни войны. Не стал жаловаться на боль в левой руке, которая теперь немела всё чаще. Не стал признаваться, что иногда по ночам ему кажется: он слышит шаги смерти за спиной. Ибо царь не должен знать о слабостях своего солдата. Солдат должен быть твёрдым до конца.

В декабре, накануне подписания договора, Филатов в последний раз перечитал все бумаги, сверил подписи, проверил, всё ли готово. Потом пошёл в детскую — проститься с маленьким Кириллом перед тем, как на несколько дней погрузиться в дипломатическую суету. Мальчик спал, и Филатов долго смотрел на него, перебирая в памяти свою жизнь.

«Фёдор... — подумал он. — Ты будешь носить моё имя. И, может быть, это имя поможет тебе быть сильным. Коль Бог даст, ты вырастешь великим царем. А я — я просто сделаю всё, чтобы у тебя была возможность вырасти».

Он перекрестил младенца, шепнул: «Спи, маленький. Император твой отец мудр, царица мать добра. А я — старый солдат — буду молиться за тебя».

Ночью он написал в дневнике:

«Декабрь 2062. Петроград. Завтра подписываем договор с Японией. Император Хирохито II прибыл с визитом. Народ волнуется. Я — тоже, но не показываю.

Царь Кирилл растёт. Я вижу в нём будущее России. Не знаю, доживу ли до того дня, когда он станет Фёдором, но коль доживу — буду счастлив.

Европа потихоньку встаёт на ноги. Испания пока проблема, но будем надеяться, что царь Филипп справится.

Я устал. Но не жалуясь.

Боже, храни Россию».
Он закрыл дневник и лёг спать.

Завтра был новый день — день мира с Японией, день новой надежды.

Подписание мирного договора с Японией состоялось 5 декабря 2062 года в Георгиевском зале Зимнего дворца. Император Рюрик, одетый в парадный мундир с орденом Святого Георгия, сидел во главе стола; напротив него — японский император Хирохито II, худощавый, с лицом, напоминающим старую восковую маску, и цепкими глазами, которые, казалось, видели всё и всех. Филатов, как обычно, стоял в тени колонны, наблюдая, как два царя — один явный, другой скрытый под внешностью «великого востока» — ставят подписи на документах, которые должны были закрепить мир на дальневосточных рубежах России.

— Князь, — прошептал Филатов, когда церемония закончилась, — я не доверяю японцам.

— Коль не доверяешь, значит, будешь готов, — ответил император, едва заметно улыбувшись. — Этому ты сам меня научил.

Переговоры продолжались ещё два дня. Обсуждали экономическое сотрудничество, совместное освоение Сибири, обмен технологиями. Филатов участвовал в заседаниях, но не как официальное лицо — как советник, которого император держал за спиной.

— Полковник, — сказал ему однажды японский министр иностранных дел, — вы — человек, который сделал очень много для вашей страны. Не хотите ли отдохнуть? Мы могли бы организовать вам поездку в Японию, показать наши храмы и сады.

— Коль Бог даст время, — ответил Филатов, — может быть, и поеду. Ибо я люблю тишину, а в Японии, говорят, она особая.

Однако он знал, что не поедет. Не потому, что не хотел, а потому, что дел было столько, что даже мысль об отдыхе казалась ему почти предательством. Император требовал внимания, советники в Европе ждали ответов, а маленький царь Кирилл рос, и Филатов не хотел пропустить ни одной минуты его взросления — ибо каждый день, проведённый с царевичем, был для него драгоценнее любой дипломатической победы.

После подписания договора Филатов направился в Испанию. Оттуда приходили тревожные вести: царь Филипп VI, молодой и неопытный, явно терял контроль над ситуацией в Каталонии. Местные сепаратисты, поддерживаемые негласно из-за океана, требовали независимости и даже начали формировать собственное правительство.

— Федя, — сказал император, провожая его в аэропорт, — будь осторожен. Испанцы — народ горячий. Коль что-то пойдёт не так, могут и обидеть.

— Князь, — ответил Филатов, — меня обидеть трудно. Ибо меня учили переносить всё — и пули, и оскорбления. А коль до стрельбы дойдёт, то я стреляю быстрее.

Император усмехнулся, но в глазах его была тревога.

Испания встретила Филатова жарой — даже в декабре здесь было тепло, и солнце светило так ярко, что слезились глаза. Он прилетел в Мадрид, встретился с царем Филиппом и его советниками. Царь оказался молодым человеком лет двадцати пяти, с нервными движениями и неуверенным взглядом.

— Полковник, — сказал он, — мне нужна ваша помощь. Каталонцы не слушаются. А если я применю силу, то меня обвинят в тирании. Что делать?

— Ваше Величество, — ответил Филатов, — царь должен быть твёрдым, но не жестоким. Коль вы покажете слабость, вас сметут. Коль покажете жестокость — народ возненавидит. Найдите золотую середину.

— Как её найти? — спросил царь.

— Начните с переговоров, — предложил Филатов. — Предложите каталонцам широкую автономию, но не независимость. Ибо независимость — это начало распада. А Бог не любит, когда разрушают то, что создано веками.

Царь задумался, потом кивнул.

— Я попробую, — сказал он.

— Не пробуйте, — твёрдо сказал Филатов. — Делайте.

Он пробыл в Испании неделю. Встречался с каталонскими лидерами, уговаривал, доказывал, иногда спорил. К концу недели стороны пришли к компромиссу: Каталония получала расширенное самоуправление, но оставалась в составе испанского королевства.

— Вы — настоящий дипломат, полковник, — сказал царь Филипп на прощание.

— Я — солдат, — ответил Филатов. — Просто солдат, который умеет договариваться.

Вернувшись в Петроград, он первым делом пошёл в детскую. Царь Кирилл уже спал, и Филатов долго стоял у его кровати, глядя на безмятежное, спокойное лицо.

— Фёдором тебя назовут, — прошептал он. — После меня. Ибо так нужно России. Коль Бог даст, ты вырастешь великим правителем.

Он перекрестил мальчика, поцеловал в лоб и вышел.

Ночью он написал в дневнике:

«Декабрь 2062. Испания. Царь Филипп согласился на переговоры с каталонцами. Дали им автономию. Надеюсь, это не станет началом конца.

Договор с Японией подписали. Император Хирохито II уехал, но, думаю, он ещё напомнит о себе. Ибо японцы — народ терпеливый, злопамятный и умный.

Европа потихоньку встаёт на ноги. Советники наши работают. Теперь главное — не расслабиться.

Царь Кирилл растёт. Скоро ему полгода. Императрица Маша говорит, что он начинает ползать. Я не доживу, может быть, до его исполнения, но коль доживу — буду счастлив.

Пора спать.

Спаси Тебя Господи».

Он закрыл дневник и лёг.

Середина декабря выдалась снежной и морозной, будто сама природа решила напомнить жителям Петрограда, что зима в России — это не шутка, а суровое испытание, которое, однако, только закаляет характер. Филатов, закутавшись в старую шинель, сидел у окна в своей комнате

и смотрел, как снежинки кружатся в свете уличных фонарей. Мысли его были далеко — в Европе, где советники докладывали о первых успехах царей, и в то же время здесь, рядом, в детской, где маленький Кирилл учился переворачиваться на животик и гулить, радуя мать и отца.

— Фёдор Александрович, — раздался голос императрицы Маши за спиной.

Он обернулся. Она стояла в дверях, в простом домашнем платье, без украшений, и держала на руках царевича, который, как ни странно, не спал, а внимательно смотрел на старого солдата своими чёрными глазами.

— Ваше Величество, — сказал Филатов, вставая, — вы меня искали?

— Искала, — ответила Маша, проходя в комнату и садясь на диван. — Я хочу поговорить с вами о важном деле.

— Коль важном, то слушаю, — Филатов сел напротив, положив руки на колени.

— Вы знаете, что царя Кирилла крестили вскоре после рождения. Но тогда, в суете, мы не успели выбрать ему крёстного отца. Формально крёстным стал генерал Кремень, но он — старый, больной, да и душа его не лежит к духовным делам. Император и я хотим, чтобы крёстным отцом царя стали вы.

Филатов замер. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Боже, подумал он, за что мне такая честь? И вслух ответил:

— Царица, я — солдат. Моя вера — не в храмах, а в бою. Коль я стану крёстным отцом царя, то смогу ли я дать ему то, что нужно? Духовное наставление, молитвы, пример?

— Вы уже даёте ему пример, — твёрдо сказала Маша. — Каждый день. Ваша жизнь — это пример служения Богу и царю. Ибо кто, как не вы, научит его твёрдости и вере?

Филатов молчал. Он смотрел на Кирилла, который, казалось, понимал, о чём говорят взрослые, и улыбался беззубым ртом.

— Коль император согласен, — сказал он наконец, — то я не против.

— Император согласен, — кивнула Маша. — Более того, он хочет, чтобы церемония прошла в канун Рождества. В церкви, по всем правилам.

— Тогда я должен исповедаться и причаститься, — сказал Филатов. — Ибо без этого крёстный отец — не настоящий.

— Мы всё организуем, — ответила императрица.

Она встала, подошла к нему и, передав царевича на руки, сказала:

— Держите, Фёдор Александрович. Он вас любит.

Царь Кирилл, оказавшись на руках у Филатова, не заплакал, а, наоборот, схватил его за палец и сжал так сильно, будто хотел сказать: «Ты — мой, и я — твой». Филатов, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы, прошептал:

— Боже, дай мне сил быть достойным этого звания.

На следующий день Филатов отправился в Александро-Невскую лавру, где его ждал старый духовник отца Михаила — тот самый священник, который крестил царя Кирилла и венчал императора Рюрика с Машей. Они встретились в маленькой келье, пахнувшей ладаном и воском, и отец Михаил, выслушав Филатова, сказал:

— Ты, Фёдор, давно не исповедовался?

— Давно, — честно ответил Филатов. — Ибо не было времени. Или не было желания. А теперь — есть.

— Тогда начинай, — сказал священник. — Бог милостив.

Исповедь длилась долго. Филатов рассказывал о своих грехах — больших и малых, о тех, которые лежали на душе годами, и о тех, которые случились недавно. Отец Михаил слушал, не перебивая, и лишь изредка задавал вопросы.

— Ты убивал, — сказал он, когда Филатов замолчал. — Это грех. Но коль ты делал это, защищая Отечество, то Бог простит.

— А если я убивал не только врагов? — спросил Филатов. — Если по ошибке, или по приказу, который оказался неверным?

— Тогда кайся, — ответил священник. — И проси у Бога прощения. Ибо Он видит не только дела, но и душу.

После исповеди Филатов причастился. Стоя на коленях, сжимая в руках старую, потёртую иконку Николая Угодника, он чувствовал, как тяжесть, давившая на плечи долгие годы, начинает уходить. «Боже, — шептал он, — очисти меня. Сделай достойным. Коль я стану крёстным отцом царя, то пусть моя вера будет крепка, как сталь, а сердце чисто, как слеза».

Вернувшись в Зимний, он зашёл в детскую. Царь Кирилл спал, и Филатов долго стоял у его кровати, глядя на безмятежное, спокойное лицо. «Я не должен тебя подвести, — подумал он. — Я не подведу».

Вечером он написал в дневнике:

«Декабрь 2062. Исповедовался. Причастился. Отец Михаил сказал, что Бог простит мои грехи, коль я искренне раскаюсь. Я раскаиваюсь».

Скоро стану крёстным отцом царя Кирилла. Не знаю, заслужил ли я эту честь. Но коль император и императрица так решили — значит, так надо.

Маленький Кирилл схватил меня за палец. Сжал сильно. Будто хотел сказать: «Ты — мой». Я заплакал. Не стыдно. Ибо слёзы иногда — это молитва».

\\

В канун Рождества, 24 декабря, в домово́й церкви Зимне́го дворца собрались самые близкие люди. Император Рюрик, императрица Маша, маленький царь Кирилл в белом кружевном конверте, несколько генералов и министров, а также священник отец Михаил, который должен был провести таинство. Филатов стоял у алтаря, держа свечу, и чувствовал, как сердце его бьётся часто-часто, будто перед боем. «Боже, — молился он, — помоги мне. Сделай так, чтобы я не опозорил ни себя, ни царя, который доверил мне своё дитя».

— Федя, — прошептал император, стоящий рядом, — ты волнуешься?

— Волнуюсь, князь, — честно ответил Филатов. — Ибо никогда не был крёстным отцом.

— А я никогда не был императором, — улыбнулся Рюрик. — Но научился. И ты научишься.

Церемония началась. Отец Михаил прочитал молитвы, затем, взяв царя Кирилла на руки, спросил:

— Именуешь ли ты, Фёдор, быть восприемником от купели сего младенца?

— Именую, — ответил Филатов, и голос его дрогнул, но он взял себя в руки.

— Обещаешь ли ты воспитывать его в вере православной, в страхе Божиим, в послушании царю и Отечеству?

— Обещаю, — твёрдо сказал Филатов. — Коль Бог даст сил.

Отец Михаил передал ему царевича, и Филатов, держа на руках это маленькое, тёплое, живое чудо, вдруг понял, что его жизнь, полная боёв и потерь, обрела новый смысл. Он не просто солдат, не просто наставник императора — он теперь духовный отец будущего царя. И это звание тяжелее любого ордена и выше любого чина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.